Электрошок. Новая реальность

Автор:
Сергей Тармашев

Электрошок. Новая реальность

Сергей Сергеевич Тармашев

Миры и войны Сергея ТармашеваЭлектрошок #2

С тех пор как пропало электричество, прошло уже больше недели. В городе царят хаос и анархия, по улицам бродят банды вооружённых отморозков, а всякая власть сократилась до радиуса полёта пули.

Запасы топлива и продуктов иссякают, зима приближается, и с каждым днём обогревать остывшие дома становится всё сложнее. Пока наивные глупцы тешат себя надеждой на прекращение блэкаута и возвращение к прежней жизни, те, что посмышлёнее, уже поняли: прежний мир ушёл навсегда. Всё чаще и чаще они встают перед вопросом: чем ты готов пожертвовать ради выживания?

Сергей Тармашев

Электрошок. Новая реальность

© Тармашев С.С., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

1 ноября 2072 года, Москва, Ореховый проезд, приблизительно шесть часов вечера

Закутанная в пуховик мама с трудом села на кровати и попыталась подняться, неуклюже переставляя ставшие непослушными отёкшие ноги.

– Я пойду с тобой! – решительно заявила она. – Одну не пущу! Там чёрт знает что творится! Тебя могут ранить, изнасиловать или убить! Принеси мне нож с кухни!

– Ты же была против оружия? – Ира застегнула пальто и принялась собирать волосы в шишку, чтобы полностью спрятались под вязаной шапочкой.

– Я до сих пор против! – Мама поморщилась от боли в ногах. – Но жизнь своего ребёнка дороже принципов! Если по улицам сейчас ходят толпы вооружённых отморозков, то лучше иметь оружие, чем наоборот!

– По улицам сейчас с оружием ходят все, – Ира натянула на голову шапочку и ласково взяла маму за руки, – не только отморозки. Ну, или все люди превратились в вооружённых отморозков! Я не знаю, как издали определить, отморозки там или нет, а подходить близко – это слишком рискованный эксперимент, я на такое не решаюсь. Я только в темноте хожу, по углам и кустам, чтобы не заметили. Не волнуйся, мама, всё будет хорошо, я осторожно схожу в супермаркет и вернусь. Подожди меня здесь, хорошо? Нельзя оставлять квартиру незапертой!

– Я иду с тобой! – отмахнулась мать, но тут же закашлялась и была вынуждена сесть обратно на кровать.

– Придётся спускаться пешком с шестнадцатого этажа, а потом подниматься обратно, – мягко сказала Ира. – Давай побережём твои ноги. Если так по лестницам бегать, ты никогда не выздоровеешь.

– Может, не надо тебе никуда идти? – обречённо вздохнула мама, сжимая в руках её ладони. – Оставайся дома, я очень боюсь за тебя!

– Нам есть нечего, и воды нет, даже грязной. – Ира покачала головой. – Надо идти!

– Ну и пусть! – Мама предприняла последнюю попытку. – Потерпим немного! Вдруг завтра электричество дадут!

– А если не дадут? – Ира ласково гладила мамину руку, стараясь успокоить хоть немного. – И придётся весь день сидеть голодными и без воды, потому что днём выходить на улицу я не рискну. Так зачем сутки терять? Схожу осторожно, покопаюсь в сгоревшем супермаркете, может, найду что-нибудь! Потом зайду на пруды за водой и вернусь. А ты пока огонь разведёшь, квартиру нагреешь, а то холодно, как во дворе!

– Тогда пуховик надень! – потребовала мама. – На улице ноль, куда ты в осеннем пальто собралась?! Простынешь! Будем вдвоём тут кашлять без лекарств!

– Пальто чёрное, в нём не так заметно, – Ира вздохнула, – жаль, шапочка у меня бежевая, вот бы чёрную… А пуховик лучше не надевать, он шуршит громко, меня вчера услышали в темноте, еле успела убежать, чуть не нашли!

– Возьми с собой нож! – Мама горестно вздохнула. – Только не убей никого просто так… этого только не хватало…

– Я к людям близко не подхожу, – заверила её Ира. – Но нож возьму обязательно! Так спокойней.

Она уложила в пустую спортивную сумку столь же пустой пятилитровый баллон из-под воды и забросила сумку за спину:

– Всё, я пошла! Запри за мной дверь на ключ, обязательно! Я постучусь условным сигналом, как договаривались! Только, пожалуйста, когда будешь разводить в кастрюле костёр, поставь её в коридоре, хорошо? Чтобы с улицы не было видно свет от огня. Ночью в полной темноте свет заметно издалека, особенно на высоких этажах. – Она чмокнула маму в щёку: – Провожай меня!

– Будь очень осторожна! – Мама, кряхтя, вновь поднялась на ноги. – Не рискуй! Лучше я без еды останусь, чем без дочери! Ты всё поняла?

– Так точно! – Ира бодро улыбнулась. – Можно идти, товарищ командир?

– Твой отец рассказывал, что в армии говорят «разрешите», – вновь вздохнула мама. – А за «можно» там очень обидно дразнят. Он служил, так что знает. – Она взяла со стола кружку, в которой догорала новогодняя свеча, и напомнила: – Нож не забудь!

– Не забуду. – Ира подхватила маму за руку, и они вышли из тёмной холодной комнаты в ещё более тёмный коридор. – Он в коридоре лежит, возле зеркала.

Маленького огонька свечи не хватало для полноценного освещения, но в какой-то мере это было хорошо, потому что с улицы его на шестнадцатом этаже не видно. Внимания к себе лучше не привлекать, не то кто-нибудь может вломиться и ограбить. Сейчас отбирают вообще всё, ту же свечу с удовольствием отнимут, не говоря уже про спички или зажигалку. Это теперь очень востребованные вещи! Хорошо, что они с мамой живут достаточно высоко и просто так лазать по лестнице на шестнадцатый этаж никто не хочет. Но ради добычи поднимутся, можно не сомневаться!

Вчера она видела, как десятка полтора мужчин и женщин, вооружённых ружьями, битами и ножами, вломились в квартиру на втором этаже. Было это в соседнем доме, вечером после наступления темноты, Ира как раз возвращалась домой из похода по улицам с целью поиска дров и чего-нибудь полезного. Свет костра, разожжённого в той квартире, она увидела за километр. Сейчас на улице видно далеко, потому что деревья лишились не только листьев, но и ветвей, много где срубленными были и сами деревья. Теперь красться приходится вдоль стен домов, потому что кусты и деревья остались не везде, и с каждым днём их становится меньше.

Когда Ира дошла до того дома, то оказалось, что она не одна заметила горящий там костёр. Возле дома уже находилась вооружённая толпа, и сразу было ясно, что ничего хорошего они не замышляют, потому что стояли без факелов, прячась в темноте. Ира подкралась поближе, спряталась за углом здания и слышала, как они тихо обсуждают план ограбления. Десяток фраз прозвучали не по-русски, понять их она не смогла, но несколько людей направились в её сторону. Она, пригибаясь и на полусогнутых, начала поспешно отходить подальше, и тут её выдало шуршание пуховика. Вооружённые люди услышали этот звук, заговорили скороговоркой и начали её искать, чиркая зажигалками.

Пришлось броситься бегом, расставляя пошире руки, чтобы пуховик шуршал поменьше. В одной руке была сумка с дровами, собранными из всего подряд, и бежать было очень неудобно. Шагов через десять она споткнулась о невидимый в темноте обрубок куста и полетела кубарем, больно ударившись коленом. Встать сразу не удалось, зато шуршание прекратилось и вооружённые люди её не нашли. Они побродили в темноте с полминуты, потом зашептались на чужом языке и ушли куда-то за тот угол, где она пряталась ранее. Как потом оказалось, они зашли в подъезд, в котором находилась квартира с костром, поднялись на лестничную клетку и сделали там засаду.

Их подельники подождали минут пятнадцать и полезли в окно. В темноте Ира не сразу поняла, что у них есть лестница или даже две. Первые двое из них разбили окно ударами прикладов и ворвались в квартиру, за ними туда же влезли ещё несколько человек. Изнутри раздались гортанные крики, женский визг, три или четыре выстрела, снова визг и крики, грохот хлопающей железной двери и вопль боли. Потом из окна высунулся один из налётчиков и что-то сказал женщинам, оставшимся под окном. Те ответили и направились за угол дома, во двор, видимо, заходить в квартиру через дверь. Из квартиры донёсся женский плач, женщина умоляла кого-то пожалеть её и «не делать этого». Судя по рыданиям и доносящимся из окна звукам, жалеть её не стали. Дожидаться, чем всё это закончится, Ира не стала и тихо убралась оттуда подобру-поздорову, пока вокруг никого не было.

Так что в пальто хоть и холоднее, зато безопаснее. Ира заткнула за пояс пальто большой кухонный нож и подумала, что нужно бы соорудить для него какие-нибудь ножны или что-то вроде того, чтобы не потерять оружие или не убить саму себя, очередной раз споткнувшись в темноте. Убедившись, что сложенных в углу в кучу разномастных дров ещё хватает, она подошла к двери, взялась за вставленный в замочную скважину аварийный ключ и замерла, прислушиваясь.

– Что там? – настороженно прошептала мама.

– Вроде тихо, – также шёпотом ответила Ира, осторожно проворачивая ключ.

В полной тишине казалось, что замок щёлкает прямо-таки оглушительно, и потому она не стала выходить сразу. Чуть приоткрыв дверь, она вновь замерла, прислушиваясь, но снаружи царила тишина, и Ира решилась выскользнуть из квартиры. Позади раздалось щелканье запирающейся двери, и она достала из кармана зажигалку. Вообще здесь, на лестничной клетке, вряд ли будет засада.

Так высоко бандиты полезут, только если будут точно знать, что здесь есть возможность найти добычу. Обычно засада расположена на лестнице первого этажа. Всё равно спускаться через первый этаж придётся всем, это неизбежно, поэтому опасность, если она есть, поджидает её именно там.

Вчера засады не было, а вот позавчера была. Какие-то люди с оружием сидели на лестничной клетке первого этажа весь день и отбирали добычу у тех, кто возвращался домой. Ира спускалась по лестнице, собираясь сходить за водой, и наткнуться на них не ожидала. Наоборот, накануне чуть ли не весь дом, как ей тогда казалось, собрал вещи, кто как смог, и ушёл прочь – люди говорили, что уходят за город, на дачи и к родственникам. Даже старенькие бабушка с дедушкой с её этажа ушли, сказали, что дача у них летняя, но теперь уже особой разницы нет, зато там вода и огород, который, правда, в ноябре бесполезен. Старики даже звали их с мамой с собой, но у мамы закончились таблетки и ей стало значительно хуже. На отёкших болезненных ногах она едва проходила пять метров, и пройти километров пятьдесят она точно не сможет, ни пешком, ни на велосипеде. Который наверняка отберут по пути. Поэтому Ира не рискует выносить из дома свой самокат.

В общем, старики попросили её приглядывать за их квартирой и ушли вместе с остальными. В тот день по улицам двигались толпы народа, навьюченного поклажей. Кто-то, кому повезло больше, катил свои вещи на тележке из супермаркета или в чемоданах на колёсиках, но большинство тащили всё на себе в рюкзаках, здоровенных спортивных сумках и самодельных тюках, собранных из обычных штор. Идти в толпе не так страшно, и люди стремились уйти из города вместе с другими. Ира тогда подумала, что они с мамой остались вдвоём в их здоровенном доме.

Но оказалось, что таких, как они, кому некуда идти, в городе осталось очень много. Даже в её подъезде в нескольких квартирах остались жильцы. На них вооружённые люди и сделали засаду, на которую Ира наткнулась позавчера. Не поймали её по чистой случайности: видимо, бандиты сидели на лестнице давно и делали вид, что отдыхают или греются, беспрепятственно пропуская тех, кто спускается вниз. Зато на обратном пути бандиты отбирали у них всю добычу. И один такой жилец зашёл в подъезд как раз в тот момент, когда Ира была уже на втором этаже. Она услышала ругань и крики, когда налётчики отбирали у него что-то, что он принёс с собой, и не рискнула спускаться дальше.

Перегнувшись через перила, Ира разглядела в полумраке освещённого факелом подъезда, как несколько бородачей яростно пинают лежащего возле ступеней человека и их подельник роется в лежащей рядом грязной спортивной сумке. В этот момент как назло бородач поднял голову и увидел её. Он вскочил, устремляясь к лестнице, но замешкался, потому что не смог пройти через пинающих жертву земляков. Испытывать судьбу Ира не стала и рванула вверх по лестнице бегом изо всех сил. Бородач бегал вверх по ступеням значительно хуже, чем она, и отстал уже на шестом или седьмом этаже. Кажется, на десятом он плюнул на погоню и, ругаясь, пошёл обратно, но Ира домчалась до своей квартиры, заперлась и в тот день выходить из неё не рискнула.

Вчера на первом этаже засады не было. Может, в их подъезде осталось слишком мало жильцов, и налётчики, не удовлетворённые добычей, нашли себе подъезд поприбыльней. Может, не захотели сидеть в подъезде, когда на улице стемнело. В общем, Ира выбралась из квартиры, когда за окном стало полностью темно. Наверное, часов в шесть вечера, если вспомнить, когда обычно темнеет в это время года. Прокравшись на цыпочках до второго этажа, она убедилась, что на первом никого нет, и выскользнула из подъезда. К тому моменту входных дверей в подъезде уже не было, их сняли с петель ещё до того, как из дома происходило массовое переселение, и приспособили в качестве места для разжигания костра. Так что выходить из подъезда в темноте можно незамеченной, если убедиться, что возле входа не поджидает засада. Впрочем, домов вокруг много, подъездов ещё больше, возле каждого сидеть никто не станет, это слишком заметно. А вот засада на лестнице – это уже опасно, можно не суметь убежать.

Сегодня на первом этаже засады не было. Но тусклый огонёк зажигалки высветил на полу лужу крови и кровавые брызги на стенах. Вчера этого не было, значит, днём тут что-то произошло, и решение не выходить из квартиры, пока светло, было правильным. Ира осторожно обошла кровь, погасила зажигалку и замерла, привыкая к темноте. Теперь можно выходить. Она бросилась бегом, стараясь выскочить из подъезда как можно быстрее, чтобы успеть убежать, если рядом с выходом всё-таки кто-то есть.

И тут же рухнула, запнувшись обо что-то невидимое. Падать пришлось на бетонные ступени крыльца, и она машинально подставила под себя согнутые в локтях руки, чтобы не ударяться головой или коленями, как уже не раз бывало. Падение вышло болезненным, если бы не перчатки, пальцы бы точно расцарапались в кровь. Заткнутый за пояс кухонный нож упёрся лезвием в

бетон, и тело больно наткнулось на его рукоять. Нож сломался, не выдержав, и морщащаяся от боли Ира подумала, что ей ещё повезло, что в тело уткнулась именно рукоять. Надо было выбегать с сумкой на животе, а не за спиной, на неё падать мягче.

Поднявшись на корточки, она увидела причину своего падения. В лунном свете натянутая перед выходом из подъезда верёвка была почти незаметна, и Ира похолодела от страха. Верёвку натянули, чтобы ловить тех, кто из подъезда выходит! Сейчас её схватят! Она панически дёрнулась, вскочила и забежала обратно в подъезд. Но оказалось, что никто за ней не гнался, видимо, те, кто натянул верёвку, ушли отсюда, по какой-то причине не забрав верёвку с собой. Отсидевшись несколько минут, Ира подобрала поломавшийся нож и обрезала верёвку у мест креплений, стараясь, чтобы доставшийся ей кусок был как можно длинней. Пригодится. Сейчас ненужных вещей не бывает, если не считать электроники. Хотя вочи многие ещё носят – люди надеются на лучшее…

Вторично выбравшись из подъезда, Ира поспешила слиться со стеной дома и двинулась прочь со двора. За домом было значительно темней, высокие здания закрывали луну, и видимость тут была минимальной. Зато и тебя никто не увидит, так что опасности тоже меньше. Ира добралась до дороги, деревьев вдоль которой за прошедшие дни стало вдвое меньше, и принялась красться от одного к другому, вглядываясь в темноту и тщательно прислушиваясь. Где-то вдали виднелся мерцающий свет факелов, двух или трёх, видно плохо, значит, те люди находятся далеко и ей навредить не смогут. Главное не столкнуться ни с кем в супермаркете.

Толпа взяла супермаркет штурмом на третий день блэкаута. Тогда ходить по улице днём было уже тревожно, но ещё не так опасно, как после того, как из города ушла какая-то часть жителей. В общем, Ира выходила за водой на Борисовские пруды и попала в толпу, текущую по направлению к супермаркету. Идти вместе со всеми было одновременно страшно и не страшно. Страшно оттого, что никого вокруг не знаешь и если что случись – вряд ли кто-то тебе поможет. А не страшно из-за того, что в толпе все на виду и не каждый бросится тебя обижать. Плюс решиться сделать гадости, когда их делают все, намного легче, чем в одиночку. В общем, до супермаркета Ира дошла, вздрагивая от доносившихся со стороны здания криков, шума и выстрелов.

Там оказалось, что продовольственный магазин уже грабят и творится там нечто невообразимое: толпа рвётся внутрь, навстречу ей вырывается другая толпа,

нагруженная добычей, и всё это смешалось в хаос, в котором вспыхивают драки. Некоторые поняли, что просто так прорваться в магазин не получится, и пошли по пути наименьшего сопротивления, отбирая добычу у тех, кто изнутри выходит. Те, кто выходил из магазина большими группами, свою добычу сохранили, а тех, кого было трое-четверо, запинали более крупные группы. Многие из тех, кто вырывался из магазина, увидев это, не стали рисковать своим здоровьем и отдавали налётчикам корзинки и тележки, убегая с тем, что удалось удержать в руках, карманах и за пазухой.

Лезть внутрь супермаркета в таких условиях Ира не решилась и поспешила отойти подальше, чтобы издали понаблюдать за происходящим. Один раз ей уже удалось залезть в разграбленный магазинчик после того, как оттуда все ушли, и раздобыть там немного еды. Значит, вполне может, что удастся и сейчас. Но разграбление днём отличалось от разграбления ночью тем, что народа вокруг меньше не становилось. Вскоре стало ясно, что не она одна дожидается, когда всё утихнет, и через час было хорошо видно, что толпа поменьше ждёт, когда схлынет толпа побольше. На Иру всё чаще бросали недобрые взгляды, явно оценивая, сколько с ней попутчиков, и инстинкт самосохранения забил тревогу.

Закончилось тем, что к ней через толпу пробрался какой-то бородач и поинтересовался, не нужна ли блондиночке помощь настоящего мужчины. Пришлось заявить, что она тут с мужем и братьями, и скрыться в толпе, торопливо натягивая шапку поглубже. Недобрых взглядов вокруг меньше не стало, и Ира поспешила покинуть место событий. Она была уже на краю толпы, когда гвалт, шум и крики вдруг зазвучали сильнее, и по толпе прошёл слух, что в здании супермаркета пожар. Там темно, все с факелами или прочими источниками огня, и вроде как во время очередной драки кто-то этот самый источник огня уронил в лужу разбитого алкоголя.

Пожар стало заметно не сразу, но к тому времени, когда Ира добралась до дома, столб дыма был виден уже отовсюду. В общем, супермаркет сгорел. Но он не сгорел вообще под ноль, потому что вечером пошёл дождь, который лил всю ночь, и пожар погас. На следующий день в обгорелых развалинах супермаркета копошилась масса людей, и под их тяжестью обвалилась какая-то часть второго этажа. Кого-то убило, кого-то ранило и покалечило, кого-то засыпало. Больше в сгоревшее здание никто не ходит, тем более что продуктов там не осталось. Так по крайней мере говорили соседи по подъезду в день, когда толпа покидала город.

Лезть в развалины было откровенно страшно, но другого выхода Ира найти не смогла. Если воду ещё можно тайком в ночи набрать в пруду и закипятить, то продуктов взять неоткуда. Все магазины в округе разграблены, и там постоянно отираются какие-то мелкие банды, приближаться к которым она не решается. В двух километрах от дома есть огромный ТЛЦ «Братеево», но пока туда она идти не спешит. Потому что в ту сторону постоянно перемещаются банды покрупнее, и оттуда очень часто доносятся не просто выстрелы, а очень много выстрелов. На примерно таком же удалении от дома, только в другую сторону, находится ТРЦ «Каширская плаза», и звуки оттуда доносятся точно такие же. Разве что банды туда перемещаются реже, зато у тех, кто всё же туда идёт, огнестрельное оружие есть у каждого.

Она тоже сходит в оба этих места однажды ночью, если всё станет совсем плохо, но пока лучше рискнуть залезть в сгоревший супермаркет. После обрушения туда никто не ходит, по крайней мере толпами или группами, так что шансы есть. Даже если там не осталось никакого продовольствия, может, удастся забраться на второй этаж, если он не рухнул полностью. Там была аптека, в которой можно что-нибудь поискать, особенно таблетки для мамы. Ира уже пыталась искать их в ближайшей к дому аптеке, но там разграблено, как везде, и всё, что осталось, валяется на полу, втоптанное в грязь одной большой разномастной кучей. Она пробовала в ней копаться, но нужных названий не нашла. Может, здесь повезёт больше.

Добраться до супермаркета удалось без происшествий. Людей на улице почти не было, лишь вдали пару раз показывались группы с факелами и оружием, направляющиеся куда-то в другую сторону. Покрытое копотью здание выглядело зловеще, и Ира невольно поёжилась при мысли, что ей предстоит лезть внутрь одной и с обломком кухонного ножа в качестве оружия. Впрочем, оружие ей там пригодиться не должно. Она надеется найти там что-нибудь поесть и таблеток для мамы, а не толпу кровожадных зомби, монстров из космоса или ещё хуже – живых людей. Блин, неделю назад ничто не предвещало, что так будет!

Со стороны чернильно-чёрные зевы разбитых витрин выглядели жутковато, но никаких признаков света внутри их видно не было, и это давало основания предполагать, что там, в магазине, никого нет. А даже если и есть, то это один-два человека, которых отсюда не видно, но там, внутри, она сумеет заметить их издали, потому что у них будут факелы, ведь в темноте найти что-либо без освещения они не смогут. Собравшись духом, Ира осторожно поспешила к

сгоревшему зданию, стараясь как можно меньше задерживаться на открытом пространстве. Без освещения на улице темно, но вдруг кто-нибудь заметит! Всё-таки облаков на небе немного, и луна со звёздами часто оказываются открыты.

Зато внутри здания стало темно, хоть глаз выколи, уже спустя пять шагов. Понять, где находишься и что вокруг, было решительно невозможно, и Ира замерла, прислушиваясь. Находиться в кромешной тьме было страшно, и она пыталась понять, когда можно зажечь зажигалку, чтобы её не заметили снаружи. Никаких звуков из глубины магазина не доносилось, и Ира, замирая от страха на каждом шагу, попыталась на ощупь продвинуться вглубь на несколько метров. Под ногами захрустело битое стекло, покрытое грязью, и она едва не поскользнулась, размахивая руками. Рука тут же больно ударилась обо что-то невидимое, и пришлось вновь замереть, дожидаясь, когда боль пройдёт.

Так далеко не уйти, только время потратить и замёрзнуть нафиг! Ира достала из кармана зажигалку, поднесла её ближе к груди, чтобы спина закрывала огонёк от улицы, и чиркнула колёсиком. Тусклый язычок пламени, выставленный на минимум, чтобы экономить бензин, слабо осветил окрестности, и оказалось, что она стоит рядом с перевернутым, сильно обугленным стеллажом, о который и ударилась. Видимо, раньше стеллаж стоял дальше от витрины, которой теперь нет. Сейчас нужно поскорее зайти поглубже в магазин, хоть и страшно. Но там, внутри, кроме темноты другой опасности нет, а снаружи ходят вполне настоящие люди, проблем от которых может быть более чем достаточно! Ира, убеждая себя, что темноты бояться не нужно, осторожно двинулась дальше.

Внутри магазин совсем не был похож на заведение, в котором Ира бывала многократно. Взгляд не видел ничего знакомого, сплошное пепелище, захламлённое обгорелым мусором. Обходить его при свете зажигалки было, мягко говоря, сложно, потому что видимость распространялась метра на полтора, зато всё, что было за пределами слабенького источника света, являлось непроглядным мраком. Зажигалки на обход магазина не хватит, это она понимала с самого начала, но сейчас главное – это углубиться как можно дальше от улицы. Идти было не только страшно, потому что казалось, будто прямо сейчас из темноты выскочит кто-нибудь и вцепится в неё насмерть, но и сложно, потому что вокруг закопчённая свалка и непонятно, куда идёшь. Она пыталась шевелить ногой попадающийся на пути мусор, но ничего полезного и даже просто ничего не сгоревшего ей не попадалось.

Минут пять, не меньше, она продвигалась куда-то сквозь темноту, потом впереди возникла закопчённая стена, и Ира решила, что ушла достаточно далеко. Она сняла с себя пустую спортивную сумку и достала из неё небольшой факел. Факел она делала сама весь сегодняшний день под руководством мамы. Выяснилось, что отец несколько раз делал факелы развлечения ради и даже научил этому маму, хотя она была против, потому что за разведение открытого огня без лицензии можно было схлопотать совсем немаленький штраф. Факел, как оказалось, делался совсем несложно, если у тебя всё для этого есть.

Первой проблемой оказалась рукоять. Она должна быть деревянной или железной палкой, взять которую оказалось негде. Швабра и селфи-палка были пластиковыми, других вариантов в квартире не было, и Ире пришлось приспособить под рукоять металлический половник, у которого она оторвала черпак. Второй проблемой была проволока, которой в квартире тоже не было, но её удалось достать из недр раскуроченной приборной панели одного из множества брошенных автомобилей.

Остальное оказалось несложно: нарезать на ленточки часть простыни, пропитать ленточки парафином от горящей свечи и намотать их толстым слоем на рукоять, пока не застыли. Пропитывать ткань расплавленным парафином было горячо, пришлось изрядно пообжечь пальцы, но в целом ничего невозможного. После того как мини-факел получился достаточно увесистым, намотанные на рукоять ленточки нужно было крепко обмотать проволокой, чтобы во время горения ткань не отвалилась прямо тебе на руку. И ещё на эту самую руку нужно надеть что-то в качестве защиты от капель парафина, если они будут. Для этих целей Ира прихватила из дома кухонную рукавичку-ухватку. Сейчас станет ясно, что у неё получилось вместо факела на самом деле.

Факел, как ни странно, зажёгся, хоть и не сразу. Освещал он ощутимо лучше, и лазать по выгоревшему магазину стало заметно эффективней. Ира даже подобрала какую-то обгорелую фигню, швабру, что ли, теперь уже не понять, и ворошила ею горелый мусор в поисках добычи. Добычи, как положено, не попадалось, и она заходила всё глубже. В какой-то момент под ногами начали попадаться обломки кирпичей, и вскоре Ира уперлась в завал, образовавшийся в результате обрушения потолка. Пришлось двигаться вдоль завала и пытаться найти там хоть что-нибудь. Закончилось это тем, что она наткнулась на окровавленный труп и чуть не заорала от ужаса. На этот раз труп был настоящим, бедолагу раздавило обрушением, и зрелище было жутким. Ира поспешила дальше, но вскоре натолкнулась на второй труп, затем на третий, и

стало настолько страшно, что она едва не бросилась вон из магазина.

От жутких картин её чуть не стошнило, точнее, стошнило бы обязательно, просто было нечем. Минуту она давилась рвотными позывами, потом заставила себя собраться и попыталась успокоиться, содрогаясь нервной дрожью. Теперь понятно, почему сюда никто не ходит. Второй этаж действительно обрушился вместе с людьми, и многие погибли. Судя по душераздирающим гримасам, не все умерли сразу, некоторые скончались в мучениях в силу отсутствия медицинской помощи…

Находиться на заполненном трупами пепелище было жутко до головокружения, и она попыталась заставить себя думать логически. Здесь трупы, сюда никто не ходит из-за этого. Значит, тут никого кроме неё нет. То есть можно обыскать магазин и на неё никто не нападёт. Зато есть шанс что-нибудь отыскать, если оно не сгорело. Нужно не обращать внимания на мертвецов и искать. Может, попытаться представить, что это разбросанные манекены? Они не воняют, потому что на улице почти ноль градусов, и если не смотреть на лица, то, может быть, получится не думать о них как о мертвецах…

Не думать о мертвецах не получилось вообще, зато заставить себя на них не смотреть – вышло очень даже успешно, и Ире удалось убедить саму себя в том, что надо продолжать поиски. Минут тридцать она бродила по выгоревшему продуктовому магазину, заглядывая во все закоулки и помещения, но так ничего и не нашла. Зато смогла довольно неплохо заблудиться и едва не запаниковала. Помнится, в одной из её любимых сказок храбрая лучница выходила из лабиринта по правилу правой руки! Нужно последовать её примеру, и выход обязательно найдётся! Ира взяла себя в руки и двинулась вдоль правой стены. Вместо выхода ей попались ещё один завал и несколько трупов, через которые пришлось перелазить в полуобморочном состоянии. Когда она всё-таки оказалась за завалом, то пришлось несколько минут простоять, прислонившись к закопчённой стене и успокаивая дёргающуюся психику, и она не сразу поняла, что находится на лестнице.

Лестница вела на второй этаж, и Ира вспомнила об аптеке. Факел ещё горел, и она пошла вверх по лестнице, осторожно ступая по ступеням. Вдруг они тоже обвалятся, её покалечит и она будет умирать в мучениях, как те мертвецы внизу?! Логика подсказывала, что её пятидесяти пяти килограмм веса, включая зимнюю одежду, не должно хватить для обрушения, вызванного тяжестью нескольких десятков человек, но всё равно было жутко страшно, и вообще, мало

ли, как сильно тут всё прогорело? Может, и пяти килограмм достаточно!

На втором этаже стало ясно, что аптеку она не найдёт. Потому что едва ли не половина второго этажа рухнула вниз, а до второй, не обрушившейся половины было невозможно добраться. Свет факела выхватывал из темноты обрыв, торчащий всякими обломками, обрывками и кусками арматуры, и Ира поспешно отступила, опасаясь, что пол под ногами обрушится. Всё вокруг было выгоревшим настолько, что понять, где именно была аптека, не получалось. Если вдруг она всё-таки размещалась в той части второго этажа, которая не рухнула, то надо искать туда лестницу с другой стороны первого этажа.

Неожиданно в голове возникла мысль, что можно рискнуть подняться на третий, пройти через него к противоположной лестнице и так попасть в не обрушившуюся часть. Если только пол третьего этажа не обвалится вместе с ней. Поколебавшись минуту, Ира всё же решилась и отправилась искать уже потерянную лестницу, обходя закопчённую выгоревшую бытовую технику, оставшуюся от располагавшегося здесь профильного магазина. Забраться по лестнице на третий этаж оказалось непросто, потому что самый верхний лестничный пролёт был завален рухнувшей крышей или что там раньше находилось сверху. Неба вроде не видно, видимо, там, наверху, что-то из перекрытий ещё уцелело, но под ногами хлюпали оставшиеся от дождя лужи с раскисшей золой.

Она уже хотела повернуть назад, но свет факела выхватил из темноты узкий лаз, образовавшийся в результате обрушения потолочной плиты, по которой можно было взобраться на третий этаж, если суметь на неё влезть. Здесь трупов не было, поэтому сердце от жути не пыталось выпрыгнуть из груди, и Ира решилась быстро. Перепачкавшись, но всё же взобравшись на плиту, она на четвереньках протиснулась в тесный лаз и оказалась на третьем этаже выгоревшего супермаркета. Огонь самодельного факела затрепетал на сквозняке, и Ира увидела где-то вверху кусок звёздного неба, на который медленно наплывала туча. Похоже, во время пожара крыша рухнула не везде, потому что где-то неба видно не было, но в кромешной темноте, становившейся вообще непроницаемой за границей освещённой факелом области, разглядеть подробности было невозможно.

Чтобы случайно не наступить куда-нибудь не туда, пришлось идти очень осторожно и небыстро, двигаясь вдоль правой стены. Из-за этого Ира постоянно попадала в помещения располагавшихся здесь ранее бутиков, ныне выгоревших

полностью. Надежды отыскать тут какие-нибудь тёплые шмотки полностью разбивались о груды обугленного мусора, в которые превратились местные товары. На фоне густо закопчённых стен всё это пожарище сливалось в одну сплошную грязную черноту, воняющую горелым тряпьём и пластиком. Минут за двадцать брожения в потёмках она не нашла ничего, кроме обгорелых обрывков теперь уже не идентифицируемых вещей, и было непонятно, где конкретно Ира находится в настоящий момент.

Если бродить здесь дальше, то факел может прогореть, он уже горит не так бодро, как вначале, а другого у неё нет. Надо бы ускориться, если она хочет отыскать лестницу на второй этаж. А ведь там, на втором, аптеку ещё надо найти. Если она вообще не рухнула вместе с полом. Может, попытаться поискать здесь магазин, в котором торговали луками и арбалетами? Он ведь где-то тут, хотя, учитывая, что все бутики, в которых она побывала, выгорели дотла, вряд ли там что-нибудь уцелело.

Поколебавшись несколько секунд, Ира всё же решила рискнуть и побрела дальше, осматривая выгоревшие помещения одно за другим. Сейчас, в кромешной тьме, было вообще никак не понять, в какой именно части третьего этажа ты находишься и где этот лучный магазин. Может, она вообще его уже прошла… Ира блуждала впотьмах ещё минут двадцать, переходя из одного выгоревшего помещения в другое, и всё закончилось так, как она предполагала. То есть печально. Факел стал гореть совсем слабо и на очередном сквозняке погас, оставляя её посреди непроницаемого мрака. Попытки зажечь его вновь успехом не увенчались: остатки обгорелой ткани уже не содержали парафина и гасли, едва загоревшись. Мгновенно стало ещё страшнее, чем и так было, и Ира едва не запаниковала, глядя, как угасает огонёк зажигалки.

Зажигалкой она пользовалась с начала блэкаута, рано или поздно бензин в ней должен был закончиться, несмотря на все её попытки экономить, но произошло это именно сейчас! Сразу стало не до поисков, отчаянно хотелось выбраться отсюда, и Ира двинулась дальше на ощупь, спотыкаясь о валяющийся всюду горелый хлам, в кромешной темноте не заметный вообще никак. Несколько раз она падала, больно ударяясь коленями, дважды или трижды налетала в темноте голенью на невидимые обломки, что оказывалось ещё больней, и спустя час или два панического плутания впотьмах стало ясно, что она окончательно заблудилась. Кругом были сплошь нагромождения рухнувших потолочных конструкций, под ногами сплошная разруха, ровного пола не осталось, и инстинкт самосохранения вопил о том, что она забрела в какие-то опасные

развалины и так недолго либо провалиться куда-нибудь, либо налететь в темноте лицом на какой-нибудь острый кусок арматуры.

Окончательно вымотавшись психологически, Ира опустилась на какую-то более-менее не замусоренную ровную поверхность, сжалась в комок и закрыла глаза. Если она не замёрзнет тут насмерть за ночь, то при дневном свете здесь должно стать хоть что-то видно, раз в крыше есть дыры. Может, тогда удастся отсюда выбраться. Минут тридцать или сорок она лежала, трясясь одновременно от холода и страха, потом взвинченная психика не выдержала напряжения, и Ира провалилась в тревожный сон.

Проснулась она от того, что её трясёт от холода, словно в шейкере, и на лицо падают холодные капли. Оказалось, что уже утро, на улице идёт дождь, а сама она лежит в какой-то немыслимой чёрной грязище посреди заваленного обрушением помещения. Грязища оказалась ворохом сгоревшего всего подряд, в полумраке не разберёшь. Крыши над головой не было, вместо неё имелись какие-то не менее немыслимые нагромождения рухнувших конструкций, через которые очень плохо пробивался дневной свет, зато очень хорошо протекала ледяная дождевая вода. И выглядели они так, словно рухнут тебе на голову прямо сейчас.

Стучащая зубами Ира поднялась на ноги, морщась от боли в многочисленных ушибах, полученных в ходе блуждания в ночном мраке, и осмотрелась. Что-то в закопчённом хаосе показалось ей знакомым, и она расковыряла ногой несколько груд горелого хлама. Да уж, вот тебе и нашла что хотела… Получается, она заснула в том самом лучном магазине. Который выгорел нафиг, мягко выражаясь. Стенды с товаром превратились в обугленное месиво, на полу валялись растёкшиеся от огня пластиковые детали арбалетов, огрызки поплавившихся карбоновых стрел, остатки плеч от луков и куча прочей обугленной фигни, непонятно чем бывшей раньше. А ещё тут были старые следы, отпечатавшиеся на покрывающей пол копоти, и довольно много. Судя по отпечаткам ног, тут после пожара кто-то уже побывал, и не один. Видимо, в день обрушения здесь тоже искали что-нибудь те, кто, как и она, не забыл об этом магазине.

Если тут что-то и уцелело, то они всё подобрали. Надо выбираться отсюда. Ира осмотрелась, вглядываясь в полумрак. Как она вообще сюда забралась? На вид отсюда нет выхода, всё завалено. Нужно идти вдоль стены, как ночью, и искать проход, которого отсюда не видно. Она добралась до ближайшей стены и пошла

вдоль неё, перешагивая через кучи горелого хлама. Стена привела её к груде обломков, между которых можно было протиснуться, и Ира подумала, что, наверное, так сюда вчера и попала. Осторожно протиснувшись в узкий лаз, она поняла, что оказалась в тупике перед покрытой копотью железной дверью. Похоже, это путь в какую-то подсобку. Дверь была заперта, вместо потолка над головой находилось всё то же месиво из рухнувших конструкций, и в тусклом свете, пробивающемся через их нагромождение, было видно, что дверь пытались взломать.

На закопчённой металлической поверхности виднелись начавшие ржаветь царапины и вмятины, оставленные не то топором, не то большим молотком, не то и тем и другим. Очень похоже на следы на толстых деревьях, которые счастливые обладатели пожарных топоров не смогли срубить. Видимо, разграбить пожарный щит они успели, а вот заточить топор было негде. Положенная двери рукоять была оторвана, вероятно, при попытках взломать дверь, и Ира даже не смогла её как следует подёргать. Ей дверь не открыть, это ясно. Надо выбираться отсюда и искать выход. Холодно так, что зубы стучат, но раз идёт дождь, а не снег, то температура плюсовая…

Ира задрала голову, пытаясь увидеть кусочек неба и понять, день на улице или утро. Взгляд неожиданно упёрся в торчащую параллельно земле арматурину. Если до неё допрыгнуть, как до перекладины турника, то можно попробовать вылезти на крышу и там сориентироваться. Допрыгнуть до арматурины сразу не получилось, пришлось вскарабкаться на рухнувшую потолочную плиту и оттуда дотянуться. Кое-как взобравшись на крышу подсобки, Ира увидела две вещи. Первое: здесь сориентироваться не получится, потому что кругом сплошное железобетонное месиво и провалы, и если планируешь выбраться из здания живой и не покалеченной, то выбираться надо всё-таки по полу. Он как бы для этого и создан. И второе: ближайший из провалов находится в полутора метрах от неё: какая-то мощная закопчённая стальная балка пробила потолок подсобки, обрушила его наполовину и там застряла.

Страх и холод мгновенно отступили на второй план, и Ира полезла к пролому, цепляясь висящей за спиной сумкой и грязными полами пальто за торчащие отовсюду обломки металлического каркаса рухнувшей крыши. Пару раз поскользнувшись, она добралась до балки и съехала по ней внутрь, как по детской горке. В подсобке было значительно темнее, но разобрать, что где, оказалось вполне возможно. Тут пожара не было, это видно сразу. Похоже, помещение было заперто в тот день, и огонь внутрь не добрался. Здесь всё

нагрелось до высокой температуры, но пожар, к счастью, не вспыхнул. Подсобка оказалась маленькой, сплошь заполненной закрытыми шкафами, следов взлома на которых не имелось. То есть мародёры сюда не попали и ей достались сокровища!

Ира, радостно пискнув, устремилась терзать дверные ручки шкафчиков, твёрдо намереваясь прогрызть двери зубами, если придётся, но открыть тут вообще всё. Сразу же выяснилось, что грызть ничего не придётся: шкафы оказались не заперты. Кто-то, видимо, директор или владелец магазина, после начала блэкаута вынес отсюда всё, что посчитал ценным, и запирать полупустые шкафы не стал. Видимо, рассчитывал сюда вернуться, но не смог. Ей повезло, что за один раз он не смог унести из подсобки вообще всё. В шкафу со снаряжением обнаружилось несколько спортивных костюмов её размера, видимо, хозяин магазина был мужчина, и поэтому забрал отсюда только большие размеры. Арбалетов не оказалось вообще, луков было много, но все слабые, с ними хорошо тренироваться, но в качестве оружия они такое себе, особенно зимой, когда все укутаны в десять одежд, да и зверя из такого не убьёшь, разве что на кошаков или голубей охотиться.

Она даже нашла шкаф, где раньше хранились мощные луки. Это было сразу понятно по тому, что он был почти пуст. Там остались лишь несколько коробок с тяжёлыми стрелами. В общем, надо брать то, что есть, и радоваться! Тем более что в карманах пары комбинезонов с логотипами магазина обнаружились зажигалки. Не совсем полные, но и в таком состоянии это самый настоящий клад. Ира принялась укладывать добычу в спортивную сумку, как вдруг её взгляд уперся в глубокую царапину на полу, идущую от углового шкафа. Шкаф двигали нервно и в большой спешке так, что поцарапали пол! Это однозначно, потому что она читала о подобном эпизоде в своей любимой сказке… Там, за шкафом, что-то есть!

Отодвинуть угловой шкаф оказалось непросто даже после того, как она выложила оттуда всё содержимое. В нормальных условиях шкаф отодвигал механизм, но без электричества он не работал, и тот, кто отодвигал шкаф, был вынужден сломать механизм. Вот почему шкафом разодрало пол – его просто вырвали из пазов, по которым он ездил. Изрядно помучившись, Ира кое-как отодвинула упирающуюся в потолок громоздкую конструкцию и увидела то, что искала. За шкафом в стене имелся довольно большой сейф.

Сейф тоже был не заперт, и в отличие от возни со шкафом открыть его оказалось просто. Судя по конструкции полок, здесь хранилось огнестрельное оружие. Которое, судя по секретности сейфа и профилю магазина, на продажу точно не выставлялось. В настоящее время от пистолетов остались лишь пустые мягкие формочки, от оружия посерьёзнее только оружейные стойки, полочки под боеприпасы тоже были пусты. Зато в сейфе обнаружилось несколько внушающих уважение ножей, видимо, их было много и владелец не смог забрать всё, сосредоточившись на огнестрельном оружии. Здесь же лежало две упаковки неизвестно чего, которое после чтения этикеток оказалось химическими фонарями, и две новенькие нераспечатанные коробки с блочными луками всемирно известной фирмы. Судя по этикеткам, это одинаковые модели. Одна натяжением в шестьдесят фунтов, другая в девяносто. То есть это как минимум охотничье оружие, на которое требуется лицензия.

Из такого лука можно убить не только кошака или голубя. Выпущенная из него тяжёлая стрела способна пролететь до ста метров. И её попадание в человека, не защищённого современной бронёй или несовременными доспехами необъятной толщины, мало чем отличается от попадания пули. Из таких луков охотятся на кабанов и оленей, а они гораздо более живучи, чем люди. Стрелять в людей очень бы не хотелось, это страшно, да и не умеет она так быстро делать выстрел, если на неё нападут первыми, но с таким оружием хотя бы не чувствуешь себя беззащитной. Тем более что тяжёлые стрелы она только что видела в соседнем шкафу. Ира выгрузила из сумки уложенную туда коробку со спортивным луком и решительно направилась к распахнутому сейфу.

* * *

Невнятный шум в коридоре усилился, послышался скрип колёс тележки, наскоро сделанной из автоматического погрузчика, и в дверь каюты громко постучали.

– Извините меня! – донеслось из-за двери по-английски. – Доставка пищи!

– Открою! – Соня подскочила с кровати и устремилась к двери. – Наконец-то, блин!

Она, кряхтя, торопливо присела на корточки, провернула аварийный ключ, отпирая замок, и распахнула дверь со словами:

– Мы рады вас видеть, мистер! Но скажите, почему вас не было так долго?

– Мне жаль, мэм, но у нас не хватает людей! – Один из стюардов, развозящих еду, протянул ей поднос с нехитрой пищей. – Без электричества лифты не работают, нам приходится вручную поднимать пищу со второй палубы, где она приготавливается, на тринадцать остальных палуб, где живут туристы, и так же вручную забирать грязную посуду. Это требует много людей, мэм! Но для технических нужд нам требуется больше воды, и капитан направил часть стюардов в помощь матросам, занимающимся подъёмом забортной воды! Поэтому скорость раздачи пищи замедлилась, но зато мы увеличили качество мытья посуды, чтобы исключить возникновение антисанитарии, мэм! Мы делаем всё, чтобы заботиться о наших пассажирах!

Стюард хотел было двинуться дальше, но Соня торопливо воскликнула:

– Нас двое, мистер! Мы проживаем тут вдвоём: я и моя подруга Анжела!

Анжела поспешила подойти к дверям и поздоровалась с разносчиками пищи. Стюард вежливо ответил, но выдать им второй поднос не торопился. Он поискал глазами дворецкого, отвечающего за каюты класса люкс в этом коридоре, и тот кивнул, подтверждая, что в этой каюте действительно проживают два пассажира.

Удивляться этому не приходилось. Через два дня после того, как команда лайнера начала разносить пищу по каютам, среди пассажиров нашлось много слишком хитрозадых. Которые договаривались с другими такими же, проживавшими палубой выше или ниже, и к моменту раздачи пищи приходили к ним в каюту. А те, в свою очередь, потом приходили к тем, кто приходил к ним. Смысл мошенничества был прост: собравшиеся в каюте люди делали вид, что в каюте проживает не два, а три или четыре человека. Без электричества вочи не работали, свериться с приложением, удостоверяющим личность того или иного пассажира, стюарды не могли, а запомнить четыре с лишним тысячи туристов в лицо было нереально.

В итоге хитрозадые получали порции дважды, а некоторые даже трижды, перемещаясь из каюты в каюту на разных палубах. Два дня они успешно делали это, потом команда, встревоженная сильно увеличившимся расходом продуктов, перераспределила стюардов по палубам, и обман раскрылся. Наказывать никого

не стали, но правила выдачи с того момента были ужесточены: с момента начала раздачи пищи и до завершения запрещалось покидать каюты, а при само?й раздаче теперь обязательно присутствовал кто-то из персонала, закреплённого за тем или иным коридором, который более-менее помнил в лицо проживающих в местных каютах пассажиров.

– Мне жаль, мэм! – Стюард увидел кивок дворецкого и поспешил извиниться. – Вот ужин для вашей подруги! – Он протянул Анжеле второй поднос. – Приятного аппетита, мэм! После ужина выставьте подносы за дверь, как обычно. Вскоре мы соберём их. Напоминаю, что техническая вода будет раздаваться завтра с наступлением рассвета. Хорошего дня, мэм!

Стюарды налегли на тележку, та неуклюже покатила дальше, к следующей каюте, и один из них забежал вперёд тележки, чтобы остановить её в нужном месте. Раньше это был обычный автоматический перевозчик багажа, предназначенный для доставки крупногабаритных чемоданов, размеры которых превышали нормы, допустимые для безопасного самостоятельного передвижения на автопилоте. Багажные чемоданы средних размеров двигаются за своим хозяином на собственных колёсиках, но слишком массивные чемоданы или не передвигающиеся автоматически коробки перевозятся на таких вот тележках. Без электричества всё это не работает, и команда лайнера выломала из них то, что не позволяло колёсам крутиться свободно. Теперь тележку приходилось толкать, но это явно лучше, чем таскать груз на себе.

Следом за тележкой и стюардами прошёл десяток моряков, вооружённых резиновыми дубинками и наручниками, и Соня проводила их глазами. У кого-то из них должен быть пистолет в кобуре под мышкой, люди говорят, что в каждой раздаточной команде есть вооружённый представитель экипажа. Вроде как один такой моряк застрелил пассажира, напавшего на капитана с ножом после начала комендантского часа в первый день объявления такового.

– Закрывайся! – Анжела скользнула томным взглядом по дворецкому, но тот уже возился с пассажирами соседней каюты и не заметил этого. – Нечего им на нас пялиться! – Она с лёгким раздражением понесла поднос вглубь каюты.

– Им на нас? – Соня захлопнула дверь и закрылась на аварийный ключ. – Или тебе на него? Нафиг тебе сдался этот лох?

– Хочу развести его на чувства, чтобы приносил нам больше еды! – объяснила Анжела, ставя поднос на стол и усаживаясь на стул перед ним. – Что это за порции?! Что это вообще за отстой?! Меня задолбала уже эта экономия, вечная голодуха и усиливающийся с каждым днём незаконный диктат команды лайнера! Где эти грёбаные спасатели, спутники и вертолёты?! Почему нас до сих пор не нашли?! Это что, так сложно в двадцать первом веке?! И вообще, почему эти криворукие аутисты до сих пор не починили это своё раздолбанное плавающее корыто?! Круиз стоит как небольшой электромобиль! И за такие деньги я ещё должна терпеть всё это?!

– Вангую: как только нас найдут, мы очень неплохо заработаем на этом провальном путешествии! – Соня уселась рядом и принялась за содержимое своего подноса: – Опять зелень с увядшими краями! Они делают салат из того, что неделю хранится на такой жаре! Хлеб почти засох! А эта каша – просто какой-то клейстер! Надеюсь, они варят её не на воде из бассейна?!

– Бассейны пустые, на всех палубах, все десять штук, проверяла! – Анжела скривилась. – Так бы не удивилась, если бы ты оказалась права! Нас кормят испортившимися продуктами, это точно!

Она взяла свой сэндвич и понюхала увядший край салатного листа. Вроде не воняет. Мясо за неделю хранения в такой жаре точно протухло бы, но его уже не дают. Видимо, всё съели в первые дни после аварии, тогда жареного мяса давали много и на каждый приём пищи. Видимо, капитан приказал избавиться от скоропортящихся продуктов в первую очередь, потому что поначалу столы в ресторанах ломились от всевозможных йогуртов, сметан и жирных соусов, к которым подавалось свежеприготовленное мясо разных видов и степеней прожарки.

Поначалу всё вообще было более-менее норм, если сравнивать с тем, что сейчас. Хотя тогда так, конечно же, не казалось. В первый день капитан и его офицеры обошли все тринадцать пассажирских палуб и заверили туристов, что уже завтра лайнер обнаружат спасатели, а до тех пор всё будет делаться ради комфорта пассажиров. Завтрак, обед и ужин подавались во всех ресторанах по принципу шведского стола, стюарды дважды за день развозили по каютам техническую воду и приносили бутилированную питьевую. Без кондиционеров в каютах было жарко, и народ тусовался в бассейнах до самой ночи, из-за чего вода в них под занавес была уже не комильфо. Без освещения с наступлением темноты стало скучно, без вочей в сеть не залезть, делать нечего, и люди

разбрелись по каютам спать.

Спали с открытым балконом, чтобы не протухнуть в духоте, и это в какой-то мере Анжеле даже понравилось: всю ночь стояла полная тишина, лёгкий морской ветерок иногда задувал в каюту, добавляя комфорта, и спалось очень даже неплохо. Правда, наутро никаких спасателей не появилось. Представители капитана убеждали всех, что лайнер ищут изо всех сил, ибо иначе быть не может, и спасатели вот-вот прилетят. Не к обеду, так к вечеру. Ничего подобного не произошло, плюс к этому капитан запретил всем купаться в бассейнах в силу того, что за предыдущие сутки вода в них сильно загрязнилась и перестала отвечать гигиеническим нормам. Системы очистки, как любые другие системы вообще, не работали, и возле бассейнов выставили охрану из числа стюардов.

В остальном всё осталось как в первый день, включая обильные порции жареного мяса в ресторанах. Как оказалось, персонал камбузов готовил на открытом огне, для разведения которого на дрова была пущена мебель из кают экипажа. Соня с Анжелой похихикали на эту тему, типа, матросы остались без мебели и теперь поувольняются нафиг, потому что у туристической компании на новую мебель не останется денег после выплаты по всем искам, которые её ожидают. В целом же вторые сутки прошли уже не так весело, потому что без бассейнов на тридцатиградусной жаре было совсем не так комфортно.

Всё начало меняться на третий день. Пассажирам, с утра потянувшимся в рестораны, неожиданно было объявлено, что в целях экономии продовольствия шведский стол отменяется. Рестораны закрываются, мебель из них будет использована в качестве топлива, а завтрак, обед и ужин будут разноситься по каютам силами экипажа. Капитан-де очень сожалеет, что спасатели всё ещё не нашли лайнер, но он обязан заботиться о пассажирах, и потому вводит режим экономии. Чтобы снизить расход пресной воды, вся она теперь будет предназначена только для питья и умывания два раза в сутки, техническую же воду будут доставлять из бассейнов, ибо ни на что другое тамошняя вода уже не сгодится.

Третий и четвёртый дни прошли под ропот недовольных пассажиров и ознаменовались теми самыми аферами с количеством жильцов в каютах, нуждающихся в пище. В результате капитан заявил, что расход продуктов вопреки ожиданиям оказался чуть ли не выше, чем во времена шведских столов, и ввёл комендантский час на время раздачи пищи. Соблюдать комендантский

час пожелали не все, и это вылилось в драку со стюардами на какой-то из пассажирских палуб или даже на двух. Кого-то из стюардов сильно избили, так, что он попал в неработающий медотсек якобы с тяжелой травмой.

После этого капитан усилил стюардов моряками и вооружил всех дубинками и прочими подручными средствами. Драки повторились, но на этот раз в медотсек попали избитые туристы, закованные в наручники. В ту же ночь по лайнеру прокатилась волна нападений и ограблений: какие-то неизвестные били туристов и стюардов. У первых отбирали драгоценности, у вторых всякую мелочь вроде зажигалок, перочинных ножей и маркеров. Понять, кто это сделал, не удалось, потому что нападающие закрывали лица повязками и били своих жертв в темноте до потери сознания.

В результате на пятый день капитан объявил полный запрет на покидание кают. Всем было приказано сидеть в своих номерах с запертыми дверьми и открывать только стюардам, которые разносят еду и воду. Это вызвало недовольство у какой-то части пассажиров, и где-то на нижних палубах, где цена билета была несколько ниже, снова возникла драка каких-то людей с командой. Разнимать дерущихся явился капитан, которого там чуть не зарезали. Говорят, что кто-то из команды применил огнестрельное оружие и убил нападавшего. Остальные, конечно же, испугались тоже быть убитыми, и драка прекратилась. Капитан заявил, что наказывать никого не будет, но это в последний раз. Если беспорядки повторятся, то все, кто примет в них участие, окажутся заключёнными под стражу, закованными в наручники и с питанием один раз в сутки.

Вряд ли подобный диктат устроил всех пассажиров, но узнать об общих настроениях теперь было невозможно, потому что все сидели в своих каютах и страдали от жары. Хорошо хоть не было душно, потому что весь день дул сильный свежий ветер. Соня с Анжелой распахнули двери на балкон и вздохнули с облегчением, зато стюарды и моряки, разносившие питание, ходили с мрачными физиономиями. На вопрос, что случилось, никто из них отвечать не торопился, лишь их дворецкий намекнул на то, что ветром лайнер несёт куда-то в открытое море, вроде как вдаль от ближайшей суши. Но это не точно, потому что механический компас есть только на капитанском мостике, да и тот является антикварной собственностью капитана. Всё остальное оборудование на лайнере – это суперсовременная электроника, которая, естественно, не работает. Где все эти обещанные спасатели, дворецкий понятия не имел, как не мог ответить на второй вопрос: почему команда лайнера до сих пор не починила

тут хотя бы что-нибудь.

Шестой день прошёл в ужасной духоте, стоял полный штиль, и солнце пекло так, что даже на балкон высовываться не хотелось. Ни спасателей, ни каких-либо признаков спасательной операции по-прежнему не наблюдалось, и закончились сутки очередным ужесточением режима. Команда объявила, что теперь техническая вода будет морской, потому что её станут поднимать из-за борта, чтобы экономить пресную, а питание станет двухразовым, только завтрак и ужин. Но всё это, естественно, делается в интересах пассажиров и с целью беспрестанной заботы команды об их благополучии.

Сегодня с утра вновь посвежело, дует ветер, вроде как в другую сторону, и на завтраке стюарды были настроены более оптимистично. Хотя понять, так ли это, было сложно, потому что стюарды постоянно менялись, видимо, рук действительно не хватало, и постоянно здесь Анжела видела только дворецкого. Идея построить ему глазки пришла ей тоже на завтраке, когда она увидела порции, которые им с Соней вручили стюарды. На каждом подносе сиротливо лежали сэндвич, собранный из двух кусков заметно подсохшего хлеба и заметно увядшего салатного листа, скукоженный помидор с парой огуречных долек и тарелка с какой-то горсткой каши, сваренной безо всяких изысков. Питьевую воду принесли в литровой многоразовой стеклянной бутылке, сразу предупредив, что это сразу на всё: и пить, и умыться. Вечером будет такая же литровая бутылка на ужин и вечернее умывание. В качестве технической воды утром притащили баллон с забортной водой литров на двадцать, заявив, что это на двое суток, потому что набирать воду из моря для двух с лишним тысяч кают – это долго. Ибо всё предназначенное для этих целей оборудование не работает.

– Покушала, словно подкаст про еду послушала! – Соня дожевала сэндвич и с недовольной гримасой потянулась к бутылке с водой. – Лучше бы они спиртное разносили! Тоски было бы меньше!

– Они боятся, что, если весь лайнер бухнёт, у них воды не хватит, чтобы наутро всех отпаивать, – Анжела поддержала подругу саркастической улыбкой.

– Кажется, похудела из-за всего этого… – Соня задумчиво ощупывала своё объёмистое тело. – Ну, хоть что-то хорошее… Вернёмся домой, устрою себе неделю в шоколаде! Моя исстрадавшаяся психика требует глубокой компенсации острого дефицита эндорфинов!

– Согласна! – Анжела составила подносы с пустыми тарелками друг на друга и понесла их к выходу. – Соня, открой дверь, вынесу всё это в коридор, чтобы пустая посуда не распаляла аппетит!

Подруги вышли в коридор, открыли дверь, и Анжела принялась выкладывать у двери подносы. Из дальней части коридора донеслись возбуждённые голоса, и обе женщины одновременно всмотрелись в полусумрак длинного пространства. Там обнаружились стюарды, катящие очередную тележку, уставленную подносами с едой. Видимо, предыдущая партия закончилась, а каюты на этой палубе ещё остались, и стюарды ходили за дополнительными порциями. Охрана из моряков с дубинками тоже была при них, но на этот раз все выглядели возбуждённо и что-то обсуждали на ходу с радостными улыбками.

– Извините, мистер! – Анжела дождалась, когда они приблизятся. – Что случилось? Нас нашли спасатели?

– К сожалению, нет, мэм! – ответил один из стюардов. – Но ветер несёт нас к суше! С вашей палубы её не видно, но наши наблюдатели находятся на самой высокой точке судна, это сорок метров над уровнем моря, и оттуда они видят на горизонте землю!

– Это прекрасная новость! – воскликнула Соня. – Но что это значит для нас? Когда мы причалим к берегу?

– Судя по соотношению высоты наблюдателей с видимым расстоянием, – объяснил стюард, – дистанция до земли составляет порядка двадцати пяти километров. Нас сносит к берегу со скоростью где-то километр в час. Завтра землю уже будет видно со всех верхних палуб лайнера. В этом районе моря находятся высокоцивилизованные земли с хорошо развитой береговой инфраструктурой, мы используем сигнальные ракеты, и нас заметят прежде, чем мы сядем на мель!

– Мы можем сесть на мель? – насторожилась Анжела. – Это опасно?

– У нас огромный лайнер, мэм! – Стюард развёл руками. – Его осадка составляет почти восемь метров! Далеко не везде прибрежные воды имеют такую глубину, поэтому мы используем спасательные шлюпки, как только окажемся достаточно

близко к берегу! Полагаю, завтра в это же время вы уже будете сидеть в одной из таких шлюпок и направляться на сушу! Если нас не заметят ещё раньше и не отбуксируют в ближайший порт!

Довольные стюарды ушли дальше, и Соня с Анжелой с радостными возгласами поздравили себя с приближением окончания мучений. Они даже выбежали на балкон и пытались вглядываться в горизонт, но стюард был прав и увидеть землю не удалось. Где-то через час на горизонте начали собираться тучи, и Соне показалось, что за ними действительно виднеются очертания какого-то берега. Увиденное прибавило подругам позитива, и до наступления темноты они довольно-таки приятно провели время, развлекая себя примитивными играми, такими как города, понятия и прочее. Потом стало совсем темно, за бортом посвежело, ветер усилился и в каюту стало задувать не очень комфортно. Пришлось закрыть двери на балкон и лечь спать, потому что заниматься игровой фигнёй уже надоело.

Проснулась Анжела, как обычно, от окутавшей её духоты. В запертой каюте опять стало жарко и нечем дышать. Вокруг было ещё темно, и Анжела решила открыть балкон, чтобы доспать остаток ночи более-менее комфортно. Она встала с кровати и сонно побрела к дверям, стараясь не налететь в темноте на мебель. Такое уже было, так что теперь подруги зашторивали портьеры на балконной двери не наглухо, а так, чтобы оставался небольшой просвет в качестве ночного освещения. Добравшись-таки до балкона, Анжела распахнула двери, и в лицо неожиданно ударил очень даже свежий ветер. Впрочем, ветер дул стабильно, огромный лайнер не раскачивало, и дискомфорта пока не было.

Но с таким ветром спать будет не очень комфортно, поэтому надо проветрить каюту и опять закрыться. Решив подождать несколько минут, Анжела вышла на балкон, облокотилась на перила и всмотрелась в ночной горизонт – вдруг там уже видно землю! И оторопела от неожиданности. В нескольких сотнях метров от лайнера на воде находились десятка три или четыре крупных лодок. В ночной темноте лодки были видны плохо, луну скрывали облака, но кое-где звёзды не были закрыты тучами, и заметить лодки она смогла потому, что их было много и они буквально усыпали воду. В лодках сидели люди и энергично гребли вёслами. В первую секунду Анжеле показалось, что лодки приближаются к лайнеру. Она решила, что их наконец-то нашли спасатели, и закричала по-английски, размахивая руками:

– Эй, там! Мы здесь! Помогите нам! Мы здесь!

Но сидящие в лодках люди никак не отреагировали, и Анжела закричала громче.

– Что случилось?! – из каюты на балкон выбежала Соня. – Это спасатели?! – Она тоже замахала руками, переходя на крик: – Эй! Мы тут! Помогите! Помогите!

– Какого чёрта?! – Неожиданно до Анжелы дошло, что лодки не приближаются, а удаляются от лайнера. – Они уплывают от нас! Что они делают?!

– Нас забыли в каюте! – в ужасе воскликнула Соня. – Скорее наружу!

Они наскоро оделись и выбежали в коридор с громкими криками. В коридоре было темно и не оказалось никого из стюардов и моряков, ранее следивших за соблюдением комендантского часа. Женщины, истошно вопя призывы о помощи, попытались выбраться из жилого сектора на открытую часть палубы, где должны находиться спасатели. На их крики из других кают начали выбегать люди, Соня с Анжелой наспех объясняли им, что происходит, и все бежали на выход. У кого-то из быстро образовывающейся толпы была ещё работающая зажигалка, и он вывел всех из тёмных коридоров на открытое место.

Никаких спасателей там не обнаружилось, и толпа ринулась на нижние палубы, собирая вокруг себя всё больше народа. В результате на нижние палубы, на которых размещены спасательные шлюпки, выплеснулись сотни людей. Там выяснилось, что большая часть шлюпок отсутствует и никого из команды лайнера нигде нет. Кто-то заорал, что команда бросила всех на произвол судьбы и уплыла на спасательных шлюпках, и началась паника. Люди бросились бегать по двум служебным палубам, на которых находилось корабельное оборудование, узлы и агрегаты, и пытались найти хоть кого-нибудь из персонала лайнера.

Служебные и технические помещения были пусты, и пока все бегали по ним, настал рассвет, и среди туч замелькало солнце, но ветер стал ещё сильней, и началась качка, вызвавшая у многих тошноту. Где-то в этот момент в погружённых в темноту трюмах и прочих машинных отделениях, или как там всё это называется, стало видно хоть что-то, и в каком-то из них обнаружили запертых членов команды лайнера. В трюме их оказалось чуть больше сотни, хотя общая численность экипажа превышала тысячу человек. Там же нашёлся труп капитана с ножевым ранением. Освобождённых вытащили наружу, все они оказались избиты и закованы в наручники. Вокруг них собралась громадная толпа, и кто-то из освобождённых рассказал ужасные вещи, повергнув всех в

шок.

– Ночью ветер сменился на противоположный, – рассказчик вяло шевелил опухшими от побоев губами. – Лайнер стало сильно сносить в открытое море. Все поняли, что до берега судно не доберётся. В тот момент до него оставалось километров пятнадцать-двадцать. Кто-то предложил покинуть лайнер и идти к берегу на спасательных шлюпках. Капитан заявил, что не может рисковать жизнями четырёх тысяч пассажиров. Потому что механический компас всего один, прямой видимости берега нет, и пока всех пассажиров спустят на воду, пройдёт несколько часов, потому что люди спят, их надо разбудить, исключить возникновение паники и так далее. Пока всё это будет происходить, шлюпки может разнести ветром, кто-нибудь потеряется, возьмёт неправильный курс, скоро начнётся шторм, люди могут погибнуть, и он не даёт разрешения на такой риск.

Лайнер раскачивался всё ощутимее, и рассказчик ухватился закованными в наручники руками за ближайшие перила, закашливаясь.

– Против капитана выступили почти все, – продолжил он, сплюнув кровью, – среди них были офицеры, у них есть пистолеты… Они настаивали, что надо пойти на риск, потому что еды и воды осталось всего на полдня и на ужин есть будет уже нечего. Если не покинуть лайнер прямо сейчас, пока до берега двадцать километров и есть хоть какое-то представление о направлении на него, то станет поздно. Судно унесёт в открытое море, начнутся жажда, голод и полный хаос. А так кто-нибудь, но доплывёт, хоть и не все. Но капитан отказался, ему ведь сидеть всю жизнь, даже если погибнет совсем немного пассажиров. Тогда они заявили, что не собираются умирать за толпу жирных червей и поэтому уходят. Капитан попытался их остановить и поднять тревогу, хотел разбудить пассажиров, чтобы встали на его сторону. Его зарезали, а всех, кто принял сторону капитана, избили и заперли в трюме. Они забрали капитанский компас, вручную спустили на воду шлюпки и бросили нас здесь! Я молюсь, чтобы никто из этих ублюдков не добрался до берега!

* * *

Сложенный из обломков барной стойки костёр сильно коптил, сидеть близко к огню не получалось из-за токсичной вони сгорающего пластика, и Пётр поёжился от озноба. Утро наступило пару часов назад, температура ещё не

поднялась до дневной, и обращённая в противоположную сторону от костра спина мёрзла, хотя вытянутым к огню ногам было жарко. Сесть к костру спиной Пётр не решался, вчера ночью на его глазах так сел кто-то из окружающих, и пуховик на его спине расплавился, чуть было не загоревшись. Остаться сейчас без пуховика просто нереально, на улице холодает с каждыми сутками, и если днём ещё более-менее не холодно, то ночью и под утро колотун ужасный. По ощущениям – минус пять, если не холоднее! Просто удивительно, почему вода нигде не замерзает? Ведь по ощущениям же холодно!

Укреплённая над костром кастрюля с водой начала закипать, и Пётр поднялся, с кряхтеньем распрямляя озябшую спину. Он подобрал лежащую рядом пару гнутых железок, принесённых кем-то из туристов, и попытался подцепить ими, словно крюками, кипящую кастрюлю.

– Осторожней! – напутствовала его сидящая рядом молодая чернявая женщина с аппетитной фигурой. – Крюк может соскользнуть по ручке кастрюли, и она перевернётся! Вчера человек так ошпарился!

– Спасибо, Анна Хабибовна! – Пётр зацепил крюки за ручки кастрюли и, пыхтя, снял её с коптящего костра. – Буду иметь в виду!

Он оттащил кастрюлю на пару метров от костра, поставил на пол и отдал крюки женщине. Анна Хабибовна подцепила ими свою кастрюлю и поместила её над костром. Теперь нужно дождаться, когда кипяток остынет, и отнести воду семье, спящей в зале ожидания в десятке метров отсюда. Этот костёр развели здесь, посредине, специально, чтобы людям было удобнее ходить к нему из разных мест зала ожидания. Согревать он особо не согревал, больше коптил и вонял, но это был единственный способ закипятить воду, взятую из какого-то ручья возле аэропорта. Людей в аэропорту было немного, человек сто, может, двести, костёр был не единственным, так что очереди на кипячение воды выстраивались относительно небольшие, часа на три-четыре. Большая часть людей, добравшихся до аэропорта, уже ушла в город.

До аэропорта Пётр с семьёй добрались вчера к вечеру. Дорога от Чвижепсе досюда заняла весь световой день. Идти по трассе было относительно нетяжело, но преодолеть почти тридцать километров пешком, с маленьким ребёнком на руках, оказалось очень утомительно. После многочасовой ходьбы накануне болели ноги и руки, потому что двухлетнего сынишку приходилось нести. В результате семья быстро выдыхалась, и приходилось устраивать частые

привалы. За весь день им не попалось ни единого человека, зато следы прошедшей здесь ранее толпы имелись повсеместно: трасса была захламлена, разграбленные автомобили загажены фекалиями, по обочинам чернели прогоревшие кострища. Некоторые из них Пётр пытался разжигать, чтобы вскипятить детям воду для согрева, благо хозяева коттеджа, приютившего их на ночь, подарили им старую кастрюлю и дали с собой немного воды и еды.

– Идти в аэропорт – хорошая идея, – сказал на прощание хозяин коттеджа. – Там администрация и полиция, наверняка вам помогут. В крайнем случае обратитесь в мэрию, от аэропорта до города пара километров! Не знаю, где именно находится мэрия, но там спросите, если что. В любом случае отсюда надо уходить. Места здесь курортные, своего продовольствия нет, всё завозят морем или из Краснодарского края. Если завоз прекратится, не знаю, что тут настанет. Продуктов у нас совсем мало!

Скорее всего, вся эта толпа, что прошла тут сутки назад, тоже направлялась в аэропорт, так что там наверняка уже налажена система помощи пострадавшим от блэкаута. Несколько настораживало полное отсутствие самолётов в небе, но Пётр надеялся, что это потому, что воздушные трассы пролегают в другой стороне. Однако реальность оказалась ужасающей.

На улице начало смеркаться, когда семья вышла к аэропорту и им попался первый рухнувший самолёт. Точнее, то, что от него осталось: месиво из обломков и разлагающихся трупов, на которых живым ковром сидело вороньё. От жуткого зрелища и вони всех стошнило, и они поспешили идти дальше. Но вокруг аэропорта всё было усеяно рухнувшими самолётами. Несколько мест крушения обнаружились в непосредственной близости от аэровокзального комплекса, большая же часть воздушных лайнеров рухнула, будучи на подлёте или на круге ожидания. Места некоторых катастроф были отчётливо видны с верхних этажей аэровокзала, другие угадывались по дыму от пожаров, вспыхнувших в лесу в результате разлива авиационного топлива.

Верить в то, что улететь не получится, не хотелось до последнего, но на самом деле всё было ещё хуже. В аэропорту царили хаос, разгром и анархия. Все точки общепита были разграблены, цех бортового питания сгорел два дня назад, ещё до прихода толпы курортников. Потому что, как выяснилось из рассказа Анны Хабибовны, с самого первого дня блэкаута здесь скопилась своя толпа из улетающих, которым было нечего есть. Администрация аэровокзала пыталась обеспечивать людей пищей, но из города постоянно прибывали новые

желающие улететь, и продукты быстро закончились. Как только толпа узнала, что администрации больше нечем её кормить, начались брожения, быстро переросшие в грабежи и мародёрство. Из-за того, что в тёмное время суток было холодно и ничего не видно, люди начали разжигать огонь и использовать самодельные факелы. Это быстро привело к пожарам во время мародёрства, особенно там, где грабили склады без окон. В результате сгорело то, что осталось от цеха бортового питания, и склад ГСМ.

– Разве вы не видели пожара? – удивилась Анна Хабибовна, услышав его рассказ. – Думала, его за десять километров видно было! Собственно, после того как он начался, многие отсюда ушли обратно в город. Потом пришла вторая толпа, с курортов. Почти все пошли дальше, тут остались немногие, те, кто устал очень сильно.

– Нам пришлось пройти шестьдесят километров, чтобы сюда попасть, – вздохнул Пётр. – Неудивительно, что мы не видели пожаров, первые трое суток мы провели в отеле, надеялись, что всё восстановится. А почему вы остались здесь?

– Нахожусь тут с первого дня блэкаута, – трагически вздохнула молодая женщина. – Живу в Москве, тут была на отдыхе с мужем. У него возникли срочные дела по бизнесу, и ему пришлось вылететь раньше. Решила проводить его, приехали в аэропорт на утренний рейс, муж улетел, собралась вернуться в отель, и в этот момент наступил блэкаут. Два самолёта рухнули на моих глазах! Была в шоке несколько часов, потом поняла, что не знаю, как добраться до отеля без навигатора. Там кроме вещей ничего ценного не было, а здесь поначалу кормили… – Она тяжело вздохнула ещё раз. – В общем, как вы, надеялась на лучшее.

– Какой ужас! – Пётр реально ужаснулся. – Соболезную! Мне очень жаль! Если могу чем-то помочь, обращайтесь!

Но в действительности обращаться приходилось ему к ней, потому что за неделю жизни в аэропорту Анна Хабибовна изучила аэровокзальный комплекс и могла рассказать что где. Из её рассказа выходило, что больше ждать нечего и находиться в аэропорту нет смысла. Тут остались только конченые оптимисты, придерживающиеся теории солнечных вспышек и потому считающие, что блэкаут закончится со дня на день. Сама же Анна согласна со скептиками, которые говорят, что причиной блэкаута может быть что угодно и потому нифига не ясно, когда он завершится. В отличие от еды, которая закончилась

три дня назад, и с тех пор ей приходится питаться варёной древесной корой. И не ей одной. Поэтому надо идти в Сочи, в мэрию, и требовать от них всего, что положено! Но как дойти до мэрии, она не знает, а идти наугад в одиночку страшно. Но если Пётр с семьёй планирует добраться до мэрии, она будет очень рада к ним присоединиться вместе с одной пожилой женщиной, с которой она познакомилась здесь.

В итоге Пётр посовещался с женой, и она решила, что они возьмут обеих женщин в попутчицы. Еды всё равно не осталось, так что делиться не придётся, а вместе добывать что угодно шансов больше. И в мэрию лучше заявиться разгневанной толпой, так эффективней. Дороги до мэрии никто не знает, но это не проблема, можно будет спросить у прохожих, если что! Было решено отдохнуть, переночевать в аэропорту и днём идти дальше.

Дойти от аэропорта до Сочи оказалось легко. Город действительно начинался в паре километров от аэропорта, но неожиданно обнаружилось, что это не совсем тот Сочи, который им нужен. Выяснилось это случайно. Когда Пётр с семьёй и спутницами вошли в город, то их ожидало удручающее зрелище. На дорогах застыли разворованные машины, все магазины, попадающиеся на пути, были разграблены, всюду зияли разбитые витрины, асфальт был заполнен битым стеклом и обильно замусорен всевозможными обрывками, рваными пакетами, разодранной упаковкой от всего подряд и прочим хламом. Приличных людей видно не было, на улицах попадались только группы подозрительно выглядящих личностей с различным самодельным оружием в руках. Какие-то группы рубили деревья пожарными топорами, другие ковырялись в разграбленных магазинах в поисках добычи.

Даже подойти к ним и задать вопрос было крайне тревожно. Потому что эти группы людей не просто опасно выглядели, но и бросали в сторону Петра и его спутниц очень подозрительные взгляды. Эти правонарушители явно оценивали, есть ли у них с собой что-нибудь ценное, но не видели ничего и сразу же теряли к ним интерес. Несколько кварталов пришлось пройти, не вступая в контакт с окружающими, потом впереди показался крупный супермаркет, и все устремились туда. То, что супермаркет разграблен, было видно ещё на подходе, но из его входа, сорванные двери которого валялись прямо на проезжей части, только вышла группа людей в полицейской форме. Две женщины-полицейские катили перед собой магазинные тележки, в которых лежали грязные упаковки с водой, трое мужчин-полицейских двигались вокруг них с пистолетами в руках, держа оружие так, будто они собирались использовать его прямо сейчас.

– Господа полицейские! – Пётр заторопился к стражам порядка, и его спутницы поспешили следом. – Господа офицеры! Помогите! Нам требуется ваша помощь!

– Оставайтесь на месте! – Ближайший полицейский направил на Петра пистолет, и тот замер от страха. – Проводится полицейская операция! Находиться здесь опасно! Немедленно покиньте этот район!

– Мы не преступники! – испуганно заявил Пётр. – Мы туристы из Красной Поляны! Моё имя Попов Пётр Иосифович! Это моя семья и спутники! Нам требуется помощь! Администрация отеля бросила нас на произвол судьбы! Аэропорт не функционирует! У нас нет средств к существованию! У нас маленькие дети, они голодают неделю! Помогите! Нам необходимо вернуться домой! Дети нуждаются в воде и пище!

– Мы проводим полицейскую операцию! – заявил полицейский, сурово щуря карие глаза. – В настоящий момент не можем вам помочь! Оставаясь здесь, вы подвергаете опасности свои жизни и жизни вашей детей! Следуйте в Сочи, в здание мэрии, там организован лагерь для отдыхающих, нуждающихся в помощи!

– Как это – в Сочи?! – опешил Пётр. – А мы тогда где?!

– Это Адлер, – объяснил полицейский. – Раньше он был отдельным городом, четверть века назад Адлер и Сочи слились в единую городскую агломерацию. С тех пор официально всё это Сочи, но вам нужен старый Сочи, мэрия находится там!

Он обернулся в сторону городского центра и указал на широкую улицу, располагающуюся впереди:

– Это проспект Путина, центральная улица города, она идёт через всю агломерацию. Двигайтесь прямо, никуда не сворачивайте. Здание мэрии будет по этой стороне через двадцать километров.

– Через двадцать?! – ошарашенно воскликнула жена. – Это полдня идти! У нас дети голодные! Вы должны оказать нам помощь! Нам требуется еда!

– Мы не МЧС! – раздражённо отрезал полицейский. – И не Ростуризм! И даже не продуктовый магазин! На вас напали вооружённые грабители?! Нет? Тогда идите туда, где вам смогут помочь профильные органы, у которых есть всё необходимое! Последний раз повторяю: немедленно покиньте зону проведения спецоперации! Вы мешаете работе полиции!

– Дайте хотя бы воды для детей! – вскинулась жена. – У вас же есть! В тележке!

– Это вещественные доказательства! – ещё более сурово завил другой полицейский. – Они проходят по описи и не подлежат разбазариванию!

– Давайте отдадим им одну бутылку! – негромко вступила в разговор одна из полицейских-женщин. – Одну бутылку можем отдать детям!

Она выдернула из тележки полуторалитровую пластиковую бутылку, протянула её Петру и добавила, следом за своими коллегами переходя на суровый тон:

– Вот вода для детей! А теперь как можно быстрее покиньте зону проведения полицейской операции! Вы ставите под угрозу жизнь своих детей!

Ошарашенный Пётр забрал бутылку, обескураженно мямля слова благодарности, и поспешил к проспекту Путина. Его спутницы заторопились следом, часто оглядываясь, и тянущая за собой чемодан дочка с подозрением спросила:

– Ма! Чё это была за лажа про полицейскую операцию? Они же сами грабили этот магазин! Это чё, были, типа, оборотни в погонах?

– Тише! – оборвала её жена, оглядываясь. – Ещё услышат! У них оружие и чёрт знает что на уме! Дали воды – уже хорошо! Будем проходить мимо полицейского участка, сообщим про них другим полицейским! Пойдём отсюда быстрее!

Полицейский участок попался им по дороге минут через тридцать ходьбы. К тому времени они углубились в город достаточно для того, чтобы понять, что в этом Сочи, который не тот Сочи, царит полнейшая анархия. Нормальные люди не рискуют выходить на улицы, кругом мародёры и правонарушители, всё разграблено, из разных районов города в небо поднимаются столбы дыма, вдали

горит какая-то высотка, и нет никаких следов спецслужб, пожарных и прочих государственных органов. Двери в здание районного отдела полиции, попавшееся по дороге, были распахнуты настежь, и вокруг него никого не было.

Попытка найти там помощь успехом не увенчалась. Внутри всё было точно так же разграблено, как везде, и обнаружилось несколько семей, использующих здание в качестве убежища. Все они тоже были отдыхающими, которых блэкаут застиг в арендованных комнатах. Время оплаченной аренды закончилось, и арендодатели выставили их вон. Отдыхающие в поисках помощи наткнулись на здание полиции, но это им ничем не помогло.

– Полицейские были здесь поначалу, – рассказал один из обнаружившихся в здании людей. – Два дня или три. Их с каждым днём становилось всё меньше, а людей сюда за помощью приходило всё больше. Народ требовал от полицейских всего подряд, те без электричества сами не знали, что делать, и толком ничего не могли. Начались конфликты, драки, дошло до стрельбы. А потом те менты, что ещё оставались, вынесли из оружейной комнаты всё, что там было, и ушли. Больше они здесь не появлялись. Толпа тут обчистила всё, что смогла. В основном люди искали оружие, все сюда приходили за этим, добирались до пустой оружейной комнаты, обламывались и уходили. Потом сюда перестали ходить, и стало поспокойней.

– Почему вы не ушли в Сочи? – поинтересовался Пётр. – В смысле, в настоящий Сочи, туда, где мэрия? Там же организован лагерь помощи отдыхающим и туристам!

– Лагерь помощи?! – удивился мужчина. – В мэрии Сочи?! Впервые слышу об этом! Вы направляетесь туда? Мы идём с вами! Как туда дойти?

От здания отдела МВД вместе с Петром и его семьёй отходило уже человек десять, и идти стало гораздо спокойней. Оружия ни у кого не имелось, но проживавшие в здании полиции где-то обзавелись тремя или четырьмя битами, и теперь группы мародеров поглядывали на двигающуюся по проспекту команду Петра не хищнически, а настороженно. Это прибавило людям уверенности в себе, и они увеличили шаг. Но путь до мэрии всё равно занял часов пять, потому что дети начали уставать, а тут ещё у чемодана Олеси сломалось колесо, и Петру пришлось тащить его в руках несколько километров.

На улице начало вечереть, когда им всё-таки удалось добраться до мэрии. Никакого лагеря нигде видно не было, здание стояло с дверьми нараспашку и выглядело таким же заброшенным, как всё остальное. Правда, внутри действительно оказалось много туристов, и свободное место пришлось поискать. Вновь прибывшие смогли устроиться лишь на самом верхнем этаже, в тронутом пожаром крыле. На полах в частично обгорелых кабинетах валялись пустые огнетушители, видимо, сотрудники мэрии справились с возгоранием, после чего покинули ставшие непригодными офисы. А заодно и здание мэрии вообще. Все, кто приходил сюда позже, устраивались на нижних этажах, чтобы меньше ходить по тёмным лестницам, и за неделю здание постепенно заполнилось снизу вверх.

– На ночь советую запираться! – сказал Петру кто-то из ближайших соседей, явившийся посмотреть на вновь прибывших. – Могут обворовать или ограбить. Дадут по голове битой или клюшкой для гольфа – лечиться негде, и «скорая» не приедет.

– Но подождите. – Пётр растерянно оглядывал пустые офисы. – Где же мэр?! Где администрация?! Они же должны решать возникшие проблемы! Они же государство!

– Разбежались все, – презрительно фыркнул сосед. – На третий день здесь уже почти никого не было, на четвёртый вообще никто не пришёл! Да и толка от них не было никакого! Ничего не смогли сделать! Пытались заставлять продуктовые магазины раздавать товар бесплатно – никто им не поверил без документов и приказов. Они даже полицию притащили, но стало только хуже: полицейские начали забирать какую-то часть продуктов для своих семей, что-то приносили сюда, и к магазинам набежало столько людей, что толпа парализовала всё! Местные орали, что из-за приезжих им умирать с голоду, приезжие требовали обеспечения всем необходимым, ну и так далее! А связи-то нет, и машин тоже нет! Все как поняли, что никто сюда ничего ниоткуда не привезёт и то, что лежит в магазинах сейчас, это последние продукты, так той же ночью толпы ломанулись грабить супермаркеты.

Он скривился и махнул рукой:

– Город-то курортный, тут всё привозное. Как магазины разграбили, так жрать стало нечего. Местные собрали манатки и ушли толпами за город, кому было, куда идти. Город пустой, здесь мало кто остался, в основном отморозки,

которым по кайфу помародёрить, и отдыхающие, которым деваться некуда.

– Как же люди здесь выживают? – Пётр ошеломлённо думал, как и чем ему накормить детей. – Где вы берёте продукты?

– Кто где, – пожал плечами сосед. – Многие пытаются ловить рыбу в море. Но на побережье сейчас почему-то рыбы особо нет, да и с удочками проблема – кому удалось вынести что-нибудь из туристического или охотничьего магазина, тот и обзавёлся снастями. Остальные обламываются и выживают, как повезёт: отбирают у кого-нибудь, если сил хватает, или лазают по разграбленным магазинам и квартирам в поисках чего-нибудь съестного. Только нигде особо ничего не осталось, всё уже выгребли. Поэтому конкуренция высокая. Где-нибудь в супермаркете во время поисков запросто ножом пырнут или голову битой раскроят. Туда лучше толпой ходить, хоть с каким-нибудь оружием. Те, кому повезло что-нибудь найти, сюда уже не возвращаются. Тут могут отобрать тупо толпой. Поэтому счастливчики стараются спрятаться в какой-нибудь незапертой квартире, там приготовить и съесть. Но с розжигом огня тоже проблемы, зажигалки есть не у всех. Многие стараются огонь не гасить, чтобы потом не ломать голову, как его добыть вновь. Из-за этого каждую ночь в городе что-нибудь загорается. Если так будет продолжаться дальше, то город сгорит нафиг!

Он сплюнул и зло процедил:

– Туда ему и дорога! Грёбаная туристическая дыра! Угораздило же оказаться не в том месте не в то время! Какого чёрта вообще попёрся в этот долбаный Сочи!

– Думаете, оказаться сейчас где-нибудь в Доминикане было бы лучше? – К Петру подошла жена с хнычущим сынишкой на руках. – Тут хотя бы на одном языке все говорят! Можно попросить еды для маленького ребёнка!

– Сейчас везде все на одном языке говорят! – саркастически парировал мужик. – На языке силы! Когда жрать нечего пятые сутки, на вашего маленького ребёнка всем пофиг! Посмотрим, как вы будете добывать себе пищу одним лишь языком!

Он развернулся и ушёл, явно недовольный умничаньем его супруги. На мнение какого-то там соседа Петру было наплевать, но вот чем кормить себя и семью – это был вопрос более чем насущный. Еды не было, воды осталось половина

бутылки, пить из которой жена давала только детям. Сами они терпели, чтобы не пить при всех, иначе придётся делиться или скандалить, чего очень бы не хотелось. А так всё честно – эта вода для детей, мы даже сами её не пьём! Попутчики воспринимали этот ответ с видимым недовольством, но ругань не устраивали – вот и о’кей!

Вскоре на улице окончательно стемнело, здание погрузилось в темноту и ночной холод. Петру удалось собрать из пустых огнетушителей подобие очага и развести в нём костёр из кабинетной мебели. Чтобы не угореть, пришлось приоткрыть окно, и в офисе было совсем не так тепло, как хотелось. Но основные проблемы начались утром: всех мучила жажда, вода закончилась, малыш постоянно просил пить и плакал. Жена психовала и гнала Петра на поиски воды, упрекая в том, что они пришли сюда вчера, а он до сих пор понятия не имеет, где взять воду.

Объединившись с несколькими бывшими попутчиками, Пётр прошёл по зданию мэрии, задавая вопросы всем, кого встречал, и в конце концов кто-то кое-как объяснил ему, как добраться до протекающей через город реки. Попутчики взяли с собой все имеющиеся ёмкости и отправились на поиски.

– Главное – это не заблудиться! – заявила Анна Хабибовна, катящая за собой пустой чемодан, внутри которого лежали пустые пластиковые бутылки и баллоны из-под воды. – Чтобы потом суметь вернуться в мэрию!

– Если что, выйдем на главную дорогу и дойдём по ней, – ответил ей кто-то, и все пошли плутать по городу в поисках реки согласно полученному описанию маршрута.

Но то ли описание дороги было неточным, то ли находить маршрут по устному описанию никто толком не умел, но выйти к реке быстро не получилось. Команда водоносов петляла среди заброшенных городских кварталов не меньше часа. И уточнить дорогу не у кого, на улицах полно хлама и разворованных автомобилей, но живых людей нигде не было видно.

– А где все? – Анна Хабибовна вертела головой в поисках местных. – Мы же вчера шли по центральному проспекту, там было полно мародёров! Они что, ночью все ушли из города?

– На проспекте Путина много торговых центров, – ответил ей всё тот же попутчик. – Был там два дня назад, пытался искать в разграбленном магазине хоть что-нибудь. Чуть не зарезали! А тут жилые кварталы, магазинчики маленькие, их обчистили на третий день блэкаута! Люди отсюда начали уходить почти сразу.

– Так вы знаете город? – обрадовалась женщина. – Почему вы сразу не сказали?

– Потому что его не знаю, – недовольно пробурчал мужчина. – Был тут пару раз с местной девушкой. Гуляли по улицам к морю, вся туса там, на побережье! Не запомнил местность, а девушка растворилась с началом блэкаута! Река вроде там! – он ткнул пальцем вперёд. – В одиночку тут никогда не был, но вроде правильно идём! Не знаю, почему до сих пор не дошли!

– Может, мы всё это время идём параллельно реке? – предположил кто-то ещё. – Ходим тут кругами среди кварталов, а река не здесь! Давайте повернём под прямым углом и пройдём дальше!

Все решили, что надо попробовать, и повернули в указанную сторону. Мужик оказался прав, и река обнаружилась через полкилометра или типа того. Набережная несла на себе следы недавнего ремонта и пустой не была. Кое-где возле воды виднелись небольшие кучки людей, наполняющих ёмкости и косящихся на команду Петра полными подозрений взглядами. Люди стремились набрать воды и побыстрее уйти и явно старались держаться подальше от других кучек. Пётр поспешил начать наполнять свои бутылки, собранные женой отовсюду в его чемодан, и остальные последовали его примеру.

– Может, здесь можно ловить рыбу? Это же река! – Анна Хабибовна сидела на корточках рядом с ним, удерживая под водой наполняющуюся бутылку, и её запачканные джинсы соблазнительно облегали аппетитную пышную задницу.

– Надо попробовать. – Пётр поспешно отвёл взгляд от её волнующих форм и сосредоточился на наполнении пластикового баллона. – Но не знаю, что использовать в качестве удочки. У нас нет лески и крючков. Нужно поискать какой-нибудь рыболовный или туристический магазин…

– Можно не искать! – перебил его мужик, который бывал здесь раньше. – Это горная речка, она холодная, рыбы в ней нет. То ли почти, то ли совсем! – Он

указал на почти пустую набережную: – Видишь, никто здесь не ловит! Если бы тут была рыба, здесь было бы полно рыбаков!

– Согласен! – Пётр нашёл его слова в какой-то мере логичными. – Но разве горная речка не должна быть чистой? Почему вода такая мутная?

– А что, в наше время где-то в каком-то городе ещё остались речки, из которых можно пить? – искренне удивился мужик. – Это, например, где?

Ответить на такое было нечего, и Пётр лишь пожал плечами, типа, ты прав, бро! Минут через пятнадцать все имеющиеся ёмкости были наполнены и распиханы обратно по чемоданам и сумкам. Пить хотелось достаточно сильно, но никто не рискнул нахлебаться воды из городской реки, пусть даже она горная, и люди торопились вернуться в мэрию, чтобы прокипятить добытую воду и наконец-то утолить жажду. Но сразу же выяснилось, что из-за долгих плутаний никто не помнит дорогу обратно. Анна Хабибовна печально напомнила, что именно этого она и боялась, и все решили идти вверх по течению по набережной. Наверняка она доходит до проспекта Путина, а дальше будет проще.

Некоторое время все молча шли друг за другом, оглядывая пустой город и шарахаясь от всякого хлама вроде рваных упаковок, которые неожиданно выползали из-под навсегда застывших машин, выдуваемые свежеющим ветром. Вид пустынных улиц напрягал нервы, в голове всё чаще возникали ассоциации с ужастиками про различные апокалипсисы, и сгущающиеся тучи ещё больше усиливали тревожные ощущения.

– Дождь собирается. – Пётр недовольно посмотрел на заполняющееся серыми облаками небо. – Нам стоит идти быстрее! Где этот долбаный проспект Путина?!

– Походу, вон он! – Кто-то указал рукой вперёд, на застывшую автомобильную пробку, виднеющуюся на пересекающем реку мосту. – Думаю, мост – это проспект!

– Смотрите! – Анна Хабибовна потянула за рукав Петра, всматривающегося в показавшийся впереди мост, и указала куда-то в сторону: – Там какие-то люди!

Все обернулись, глядя в указанную сторону. В глубине одного из переулков, отходящих от набережной в дебри кварталов, виднелась толпа человек из

десяти-пятнадцати. Люди торопливо выходили из какого-то здания с наполненными сумками, в руках у некоторых были горящие посреди дневного света самодельные факелы. Быстро покинув здание, последние из них заперли за собой двери, наскоро обмотав дверные ручки металлическим тросом, и застегнули на нём велосипедный замок. Пока остальные гасили факелы, пара их сообщников подобрала прислонённое к стене неподалёку электронное табло от уличного рекламного стенда и прислонила его к только что запертым дверям, скрывая из виду. Закончив с этим, люди похватали сумки и торопливо скрылись среди домов, бросая на группу Петра косые взгляды.

– Они нас заметили? – испуганно напряглась Анна Хабибовна.

– Вроде да. – Пётр всматривался в опустевший переулок, но никого не видел. – Уверен, поэтому и торопились уйти!

– Не поэтому! – Стоящий рядом с ним мужик обернулся к остальным и лихорадочно зашептал: – Идём дальше, быстро! Делаем вид, что мы ничего не поняли! У них оружие, видел пару карабинов, они бы нас не испугались! Уверен, они за нами следят! Пошлите быстрее! Иначе ничего не получится!

Он схватился за свой чемодан и направился дальше. Остальные, опасливо косясь в переулок, поспешили следом.

– Вы подозреваете, что они захотят напасть на нас и отобрать воду? – Пётр попытался скрыть охвативший его испуг, чтобы не позориться перед Анной Хабибовной, тянущей свой чемодан рядом с ним.

– Они хотят убедиться, что мы не поняли, что они делают! – негромко ответил мужчина. – До нас было далеко, мы могли не догадаться, что в том магазине ещё остались продукты!

– Почему вы думаете, что там что-то осталось? – не сообразила Анна Хабибовна.

– Точно, блин! – Пётр оглянулся на оставшийся позади переулок. – Никто не будет закрывать двери в магазин рекламным щитом, если там ничего не осталось! Они сделали это, чтобы магазин не нашли неместные!

– Отвернись! – зашипел на него мужик. – Палишься же! Это местные, наверняка давят сейчас на нас косяка из какого-нибудь окна! Валим отсюда как ни в чём не бывало! Пусть расслабятся! Они вывеску с магазина содрали и двери щитом закрывают потому, что в магазине есть продукты! Надо вернуться в мэрию, оставить там воду, взять сумки и какие-нибудь дрыны, чтобы по башке заехать, если что, и вернуться сюда! Местные к тому времени уйдут, и мы проникнем в магазин!

– Почему вы считаете, что они уйдут? – снова не сообразила Анна Хабибовна. – Вдруг они живут в доме напротив? И сидят там постоянно!

– Если бы они жили рядом, – авторитетно объяснил Пётр, – то давно перетаскали бы содержимое магазина по квартирам! Нет, как раз наоборот, живут они достаточно далеко, раз до сих пор не сделали это! Они ходят в магазин днём, потому что ночью им придётся идти с факелами и сумками слишком долго, их могут заметить другие бандиты и напасть! Ну, или выследить, где находится магазин! Думаю, кто-то из них является сотрудником этого магазина, поэтому он в курсе, что там есть продукты!

– По-любому так! – поддержал его мужик. – Надо шевелиться! Вдруг они вернутся!

Команда водоносов торопливо добралась до моста и принялась тянуть свои сумки и чемоданы по ведущей на него автомобильной дороге. Мост действительно оказался проспектом Путина, только находился он по другую сторону от мэрии, вот почему Пётр не видел его вчера, когда шёл с попутчиками из Адлера, или как там называется та неправильная часть Сочи. По проспекту до мэрии оказалось совсем недалеко, и уже через пятнадцать минут команда водоносов подходила к зданию.

– Никому не трепаться! – сурово заявил мужик, к которому к тому времени как-то само собой перешло лидерство. – Не то в магазин вся мэрия сбежится! Тут народу полно, никому нифига не хватит! Идём к себе наверх спокойно, типа, ничего не произошло, набрали воды и вернулись! Берём только своих, типа, снова за водой, пока дождь не зарядил на сутки и всё такое! Уходим по отдельности, собираемся на мосту и идём в магазин! Сделайте это!

Все всё поняли и принялись тащить свой груз по лестнице как ни в чём не бывало. Добравшись до верхнего этажа, все торопливо разбрелись по сумрачным офисам.

– Почему так долго?! – Недовольная жена встретила Петра с сынишкой на руках. – Ребёнок измучался от жажды! Ты принёс воду? Олеся! Иди помоги отцу налить кастрюлю! – Она указала на догорающий костёр: – Дрова закончились! Иди за новыми!

– Не сейчас! – Пётр принялся торопливо разгружать чемодан. – Мы нашли магазин с продуктами! Сейчас идём туда тайком от остальной мэрии, только те, кто живёт на нашем этаже! Надо быстро освободить чемодан и выйти из здания, не вызывая подозрений! Если за нами увяжется толпа, то всем достанутся крохи!

– Магазин с продуктами? – Жена перешла на возбуждённый шёпот. – Это точно?

Пётр быстро ввёл её в курс дела и заторопился на выход с пустым чемоданом.

– Подожди! – окликнула его жена, спешно надевая куртку. – Мы идём с тобой! Олеся! Надевай куртку, быстро! И выкладывай всё из карманов!

– Куда?! – опешил Пётр. – В магазин?! С детьми?! Зачем?!

– Затем! – Жена торопливо застёгивала на сыне детский пуховичок. – Втроём мы вынесем больше! Ты говорил, что среди тех людей были женщины! Если что, покажу им детей! Даже если другим ничего не достанется, нам что-нибудь дадут для детей! Вспомни полицейских и коттедж, где мы ночевали! Это работает! К детям всегда относятся с пониманием! Никто не станет отбирать еду у ребёнка!

Возражать не было времени, к тому же жена была права: если бы не дети, их не приютили бы в том коттедже и уж точно ничего бы не дали те полицейские. В конце концов, ещё непонятно, сколько народа соберётся на мосту сейчас, и никто не знает, сколько там, в магазине, осталось продуктов. Вдруг мало? А у него всего две руки, много не унесёшь, и всё достанется другим. А когда такая возможность представится в следующий раз?!

Незаметно выйти из здания мэрии оказалось не проблема. На улице начался дождь, поэтому все разбрелись по спальным местам, в окна никто не смотрел, на лестнице тоже никто не сидел, потому что там стало совсем темно. Обитатели верхнего этажа покидали здание небольшими группами по два-три человека, и, хотя в сторону моста двигалось немало людей, одной общей толпой они не выглядели. И даже не только Пётр с женой взяли туда с собой детей. Помимо них на мосту оказались ещё два или три ребёнка лет одиннадцати-двенадцати с пустыми детскими рюкзаками за спиной.

Опасения Петра оправдались: народа собралось действительно много. Каждый из полутора десятков водоносов привёл с собой одного-двух попутчиков, и в результате к магазину двинулась толпа человек в сорок мужчин и женщин разных возрастов. Из-за накрапывающего дождя все шли ссутулившись, пряча лица от водяных капель, и со стороны выглядели угрожающим отрядом погромщиков. У многих в руках имелись биты или самодельные дубины, и это усугубляло эффект. Не вызвало сомнений, что связываться с такой серьёзно настроенной многочисленной командой никто не рискнёт. Лишь бы только насилия не возникло внутри команды, между самими налётчиками, когда дело дойдёт до присвоения продуктов.

Предводительствующий всеми мужик, кому принадлежала идея с налётом, нашёл нужный переулок почти сразу. Он повел толпу внутрь, и Пётр узнал прислонённый к стене здания рекламный щит. Вывески на здании действительно не было, зато были видны следы выломанных креплений, на которых она висела раньше. Значит, те, кто припрятал этот магазин для себя, действительно постарались скрыть его от неместных. Рекламный щит оттащили в сторону, и некоторое время ушло на то, чтобы выломать дверные ручки, потому что по-другому снять с них велосипедный трос с замком никто не смог. Наконец двери были разблокированы, и толпа устремилась внутрь. Но внутри оказалось абсолютно темно, и в коридоре возникла сумятица, пока люди доставали зажигалки и самодельные факелы.

Один такой оказался у Анны Хабибовны. Горел он плохо, от него постоянно отваливались какие-то шипящие и чадящие капли горящего пластика, но в целом это было хоть какое-то освещение, и Петру с семьёй пришлось с ней объединиться. Лишённый окон коридор был выложен дешёвой кафельной плиткой и тянулся довольно далеко, метров двадцать, не меньше. Толпа потекла по нему, ломясь в попадающиеся по пути двери, но все они вели в подсобные помещения, которые были уже полностью разграблены.

– Это не магазин! – со знанием дела определил Пётр, оглядывая утопающее в темноте большое помещение, уставленное стеллажами. – Это логистический склад! Сюда доставляются товары разных мелких партнёрских организаций, и отсюда они распределяются по магазинам более крупной компании! Мы зашли с чёрного входа, наверное, это был пожарный выход. Основной въезд где-то там! – Он кивнул в темноту. – Он наверняка заблокирован с самого начала блэкаута, и, когда в городе грабили магазины, взломать его толпа не смогла!

– Скорее, его просто не нашли, – не согласилась Анна Хабибовна. – Толпа взломает что угодно! Бошками своими тупыми биться будут, но дыру проломят!

– Где здесь лежат продукты? – перебила её жена, баюкая уснувшего на руках сынишку. – Освещайте стеллажи! Надо их найти, пока другие не нашли!

Все бросились на поиски, толпа быстро растеклась по складу, и вскоре продуктовый сектор был обнаружен. Он оказался не самым большим, занимая порядка четверти склада, и был заполнен оптовыми коробками с консервами и сыпучими продуктами. Нижние полки стеллажей были уже пусты, товар оставался только на верхних, и добраться до них было сложнее. Те, кто прятал этот склад от всех, вручную притолкали к стеллажам ставшие бесполезными погрузчики, и использовали их в качестве лестниц. Несколько стремянок обнаружились тут же, и возле них образовались хаотичные очереди. Люди толпились, ожидая возможности влезть наверх, и обжигали друг друга капающими факелами и неосторожными движениями.

Быстро началась ругань, до драки, к счастью, пока не дошло, но возмущённый гвалт шумел всё сильней, и спящий сынишка проснулся. Увидев вокруг темноту и утопающую в ней толпу с факелами, ребёнок испугался зловещего зрелища и заплакал. Это мгновенно взвинтило нервозность, и многие начали возмущённо предъявлять его жене претензии, требуя успокоить ребёнка, пока на его плач не явились какие-нибудь бандиты. Жена пыталась сделать это и одновременно огрызалась, мол, вы тут все орёте в десять раз громче.

Кто-то с криком упал откуда-то сверху и взвыл от боли. Пётр понял, что многие мужчины пытаются влезть на верхние полки стеллажей самостоятельно, не дожидаясь лестниц, и тоже попытался последовать их примеру.

– Анна Хабибовна! – Он коснулся плеча спутницы, освещающей жене с ребёнком темноту, чтобы малышу не было так страшно. – Посветите мне! Хочу взобраться на верхнюю полку!

– Вы можете упасть и травмироваться! – обеспокоилась женщина. – Сейчас только переломов не хватает! И так всё плохо!

– В детстве я часто посещал канатный парк, – возразил Пётр. – Думаю, справлюсь!

Он ухватился за металлические стойки стеллажа и попытался лезть по ним, словно по канату. Но быстро выяснилось, что за тридцать лет сидячей жизни детские любительские навыки изрядно подрастратились, и сил хватило только долезть до следующей полки. Схватившись за неё руками, Пётр понял, что не умеет подтягиваться и затянуть туда своё тело не в состоянии, тем более почти в полной темноте. Тогда он нащупал какую-то коробку и попытался вцепиться в неё. Пальцы нашарили технологический вырез, видимо, отверстие для вил погрузчика или для переноски, и Пётр повис на нём всем телом, рассчитывая стянуть коробку вниз. Коробка оказалась тяжёлой и почти не скользила, пришлось дёргаться и брыкаться, из-за чего он задел ногой жену, и та, и без этого взвинченная, взъелась на него чуть ли не матом.

В конце концов ему удалось заставить короб частично свеситься с края полки. Чтобы короб рухнул, висящий на нём Пётр дёрнулся изо всех сил, рискуя разжать пылающие от усталости пальцы. Но вместо падения короба раздался хруст, и Пётр рухнул вниз с куском пластиковой обшивки в руках. Упал он на жену, ту отбросило на Анну Хабибовну, и сынишка ударился головой о рукоять факела. Анна Хабибовна упала, зато жена удержалась на ногах, но разразиться бранью не успела: следом за Петром сверху посыпались какие-то пластиковые упаковки, лежавшие в разодранном коробе. Упаковки оказались тяжёлыми и твёрдыми, и всех четверых накрыло больно бьющим обвалом.

– Ты нас чуть не убил, дебил!!! – орала на Петра жена, пока он со стоном поднимался на ноги. Она успокаивала плачущего сына и озиралась в поисках дочери: – Олеся! Ты где?!

В царящем вокруг гвалте ответа дочки слышно не было, зато было видно, как охающая от боли Анна Хабибовна встаёт и подбирает одну из осыпавшихся

пластиковых упаковок.

– Это кухонные ножи! – Она осветила упаковку дешёвых ножей, запаянных в твёрдый пластик. – Какая-то дешёвка! Почему они здесь?! Это же продуктовый шкаф!

– Откуда я знаю?! – Жена с трудом сдерживала злость. – Дайте мне один, самый большой! Пригодится в новых реалиях!

– Согласна! – Анна Хабибовна принялась одной рукой и зубами вскрывать упаковку, и жена вновь повысила голос, с тревогой озираясь:

– Олеся! Ты где?!

– Тут! – донёсся сквозь общий гвалт голос дочери. – Нашла продукты! Идите сюда!

– Иди к ней, быстро! – Жена схватила хромающего Петра за шиворот, помогая подняться, и толкнула в темноту: – Где она?! Найди её сейчас же! Олеся! Мы идём!

Понять, куда именно надо идти, Пётр не мог. Кругом мрак, заполненный чадящими огнями чахлых факелов, гвалт и мечущиеся по стеллажам кривые абсурдные тени, отбрасываемые силуэтами суетящихся людей. Он сделал вдох, чтобы кричать громче, и позвал дочку, рассчитывая выяснить у неё, где именно она оказалась. Вместо ответа внезапно оглушительно громыхнул выстрел, затем второй и ещё несколько, больно ударяя по ушам. Всё вокруг потонуло в криках и воплях, откуда-то из темноты начали выскакивать люди в масках и с оружием. Нападающие били пришлых прикладами гражданских карабинов и битами, разъярённо вопя требования бросить всё и убираться нафиг.

Всё вокруг мгновенно превратилось в охвативший полумрак хаос и мордобой, сразу несколько попутчиков схватились за рассыпавшиеся по полу ножи, кто-то бил кого-то факелом, позади отчаянно вибрировал душераздирающий вопль, что-то где-то вспыхнуло, быстро разгораясь, и видно стало лучше. Тех, кто ворвался на склад, было меньше, но они быстро одерживали верх благодаря жестокости. Следующий выстрел громыхнул совсем рядом, и Пёрт инстинктивно шарахнулся в сторону, налетая на Анну Хабибовну. Её опять сбило с ног, она

выронила факел, и его тут же схватил кто-то из попутчиков Петра. Он истошно заорал, тыча факелом в подбегающих к нему налётчиков, что, мол, сейчас подожжёт тут всё, если они сделают хоть шаг в его сторону. Ему выстрелили в ногу, и он упал, заходясь в надрывном крике.

– Папа! – неподалёку раздался крик Олеси, и Пётр рванулся в её сторону.

Прямо перед ним из полумрака выскочил человек в маске и с размаха ударил Петра битой. В темноте удар вышел неточным, бита прошла вскользь по рукам, которые Пётр запоздало вскинул к голове, и задела лоб по касательной. Ноги подломились, в глазах полыхнуло резью, и он осел на пол под панический дочкин вопль. Мимо него в сторону дочери промчалась жена с сыном на руках и зажатым в кулаке ножом. Дочкин вопль повторился, Пётр попытался подняться и увидел, как какой-то тип в маске и с карабином отбирает у Олеси её сумку, наполненную консервами. В эту секунду в него врезалась жена, мужик выпустил сумку и угрожающе замахнулся на жену прикладом.

– Вали нахрен, кобыла! – взъярился он. – Завалю, нафиг!

– Сам вали, ублюдок! – истерично взвизгнула жена. – У меня дети, мразёныш!

– Да и шайтан с ними, тупая корова! – зарычал тот. – Мне пофиг! У меня свои дети!

Он припугнул её, словно собирался ударить, но бить не стал и вместо этого вновь схватился за дочкину сумку. Олеся вновь завизжала, и жена с душераздирающим визгом ринулась на него, замахиваясь ножом. Мужик попытался закрыться карабином, но жена вместо удара ножом с разбега ударила его ногой в пах. Мужик взвыл, сгибаясь пополам, и прямо из скрюченной позы выстрелил в неё несколько раз. Жену вместе с сынишкой отбросило на стеллаж, и похолодевший от ужаса Пётр, путаясь в непослушных от головокружения ногах, бросился туда. Откуда-то сбоку мелькнула стремительно приближающаяся бита, голова словно раскололась от пронзающей боли, и наступила звенящая тишиной темнота.

Очнулся он от боли в голове, стекающей по лицу куда-то за пазуху. Ставшие чугунными веки с трудом разлепились, и он увидел охваченные огнём стеллажи. Всё вокруг горело, всюду стоял едкий дым, боль резала не только голову, но и

носоглотку, в которую впивался удушливый кашель.

– Папа! Вставай! Мы сейчас сгорим! – Обливающаяся слезами дочка шла за ним, согнувшись, и лила ему на лицо воду из пластиковой бутылки.

Пётр понял, что его тащат по полу за руки, с трудом поднял лопающиеся от боли глаза, и мутный не то от сотрясения, не то от дыма взгляд упёрся в Анну Хабибовну, тянущую его куда-то мимо горящих стеллажей.

– Пётр Иосифович! – Молодая женщина увидела, что он открыл глаза, но тут же закашлялась. – Вы можете встать? Не смогу вытащить вас отсюда! Надо выбраться на улицу, пока мы не сгорели!

Она с дочкой принялась поднимать его на ноги, и в голове вновь плеснуло болью. Лёгкие резало удушливым дымом, голова кружилась, и Пётр не понимал, где он и что происходит. Тело постоянно норовило потерять равновесие, его куда-то вели, точнее, тащили за руку, блуждающий взгляд постоянно натыкался то на дочку, одной рукой вцепившуюся в висящую на шее сумку, другой держащую наполовину пустую бутылку, то на огонь, пылающий повсюду. Инстинкт выживания глухо покалывал болью одеревеневшую нервную систему, погрузив сознание в панический ужас и жажду выжить. Кажется, Анна Хабибовна тащила его за собой, а шёл он, опираясь свободной рукой на дочку, которая помогала ему перешагивать через усыпающие пол тела. Большего его мутный взгляд разобрать не мог.

Потом пронизанный пожаром едкий дым сменился дождливой ночной темнотой и холодным ветром, пробирающим до костей. Идти стало легче, но затопившая сознание муть давила на гудящий болью мозг ещё сильней, и всё, что сохранилось в его памяти, уложилось в бесконечную череду нетвёрдых шагов, перешедших в такой же долгий и мучительный подъём по бесконечности лестничных ступеней. Потом его то ли толкнули, то ли помогли упасть на грязный офисный диван, и Пётр рухнул в забытьё.

* * *

В дверь офиса коротко постучали, и стоящий на охране полицейский бросил на Вениамина вопросительный взгляд. Пришлось отвлечься от подсчётов,

производимых при помощи умножения в столбик с использованием капиллярной ручки и листа художественного ватмана. Без электричества калькуляторы вочей не работают вместе с самими вочами и всем остальным вообще. Пришлось вспомнить старые методики ведения расчётов на бумаге, благо ему за сорок и он ещё застал то время, когда детей в начальных классах учили умножать и делить в столбик. Правда, для этого использовалась электронная бумага и рукописный ввод, но такое обучение хотя бы было. Потому что последние лет двадцать счёту в столбик вообще не обучают, и Вениамин прослыл среди молодого личного состава его ОМВД уникальным интеллектуалом. Ибо оказалось, что без калькулятора, просто так, на бумаге, никто не в состоянии перемножить числа с тремя знаками и больше.

А считать теперь приходится сплошь и рядом! Без электроники и автоматики всё нужно делать вручную. И самая важная задача в его положении – это учёт и контроль! Потому что без этих двух краеугольных столпов управления всё очень быстро пойдёт прахом, ибо будет либо разворовано хитрозадыми исполнителями, либо просто бездарно профукано исполнителями безмозглыми. Не говоря уже о том, что сам по себе процесс распределения благ должен быть выстроен идеально. То есть с учётом всех потребностей выживания тех, для кого он предназначен – для сильных мира сего.

В условиях новой реальности это созданная им самим пирамида власти, на вершине которой находятся он лично и его сестра. Ступенью ниже располагается команда особо приближённых доверенных людей, ниже которых находится ступень людей менее приближённых, но очень полезных. Под которыми нашлось место просто полезным, ниже которых Вениамин разместил слой так называемого перспективного электората. То есть тех, польза от которых в настоящий момент минимальна, но таковой электорат может оказаться полезным в будущем. Потому что либо имеет навыки не первой необходимости, которые могут понадобиться позже, либо горит желанием обучиться, то есть начнёт приносить пользу через какое-то время.

Итого пять уровней социальной пирамиды. Пока этого вполне достаточно. Более того, его концепция уже доказала свою эффективность и оправдывает себя каждый день! Позже, при необходимости, пирамиду можно будет усложнить. Например, добавить туда шестой слой – бесполезный человеческий мусор – и седьмой слой – враги и враждебно настроенные личности. Пока же он обозначил их сугубо теоретически, потому что в составе Отдела, как теперь сокращённо называется его организация, таких категорий нет, но они есть там, за забором. И

по мере расширения влияния работать с ними в той или иной мере придётся.

Вениамин кивнул полицейскому, и тот, положив руку на рукоять пистолета, приоткрыл дверь. Этот жест, с рукой на пистолете, нравился Вениамину особенно. Этакий прямой намёк на то, что при необходимости вопрос может быть решён категорично, если оппонент не желает ценить то, что сильные мира сего отнеслись к нему благосклонно. И выслушали, вместо того чтобы выставить вон, и даже вникли в его проблемы, более того, при наличии возможностей даже решили их полностью или частично! Вообще на территории Отдела Вениамина ценили и уважали все. Врагов у него тут нет, по крайней мере открытых.

Насчёт скрытых ему пока ничего не известно, времени организовать Службу Собственной Безопасности у него ещё не было, тут столько хлопот, что пока не до создания тайной полиции. Но позже без этого будет не обойтись. Как только Отдел превратится в город-государство, ему потребуются все атрибуты полноценной власти. Пока же Вениамин ограничился созданием собственной охраны. Причём сделал это с присущим ему блестящим креативом. Формально Отделом руководила его сестра, он же был при ней Главным антикризисным консультантом. Но в реальности каждый сотрудник понимал, что все по-настоящему кардинальные решения, благодаря которым все они успешно выживают в условиях воцарившегося повсюду хаоса, принимались и принимаются именно им. Сестра лишь реализовывает его идеи, потому что у неё есть власть.

Он сознательно выстроил такую схему: у него интеллект, у неё сила. Вместе они представляют собой победную гремучую смесь, и при этом в Отделе нет единоличного диктатора или сумасбродного президента. Консульская система Древнего Рима! Которая, кстати, отлично зарекомендовала себя в те лишённые электричества века. Так что было бы контрпродуктивно игнорировать возможность использовать проверенную систему управления, доработанную с учётом современных реалий. Позже надо будет ввести в обиход звание «консул». Но пока народ не дорос до таких изысков, поэтому Вениамин является Главным консультантом.

Который всякий раз лично погружается в любую проблему личного состава и решает оную, не боясь рисковать собой. Когда вокруг имеется достаточное количество вооружённых полицейских, разумеется. Иначе говоря, несколько простеньких, грамотно смоделированных конфликтных ситуаций с пришлыми быстро натолкнули личный состав на мысль, что Вениамина стоит охранять.

Ведь без него всё может сильно усложниться, а зачем? Правильно! Незачем! Ценные кадры необходимо беречь, ибо кадры решают всё! Это его, Вениамина, позиция, и личный состав очень ею доволен. Потому что является теми самыми кадрами. Короче, полицейские сами предложили ему завести охрану, и он скромно согласился. Теперь возле него всегда находится пара вооружённых профессионалов, а если нужно участвовать в какой-то потенциально опасной встрече, то к этой паре присоединяется тройка автоматчиков. Далеко не мелочь, и потому приятно вдвойне!

– Вениамин Моисеевич у себя? – в приоткрытую дверь донёсся голос начальника Первой оперативной группы. – У нас тут проблема с тунеядцами!

– Да как вы смеете! – немедленно возмутился кто-то ещё, видимо, находившийся там же. – Я дипломированный специалист! Требую уважения и немедленного удовлетворения моих запросов! Вы полиция? Ну, так решайте проблемы, а не создавайте их!

– Заходите, Дмитрий Магометович! – Вениамин дружелюбно повысил голос. – Готов помочь вам всем, что в моих силах!

Дмитрия Магометовича среди личного состава Вениамин выделял особо. Раиса рассказывала, что до блэкаута с ним постоянно возникали проблемы: он любил верховодить среди молодых сотрудников, делал это довольно агрессивно, пару раз чуть не провалил профессиональные тесты у психологов, которые едва не назначили его склонным к насилию, и вообще отличался стремлением решить всё силой. Наверное, потому, что был каким-то там мастером спорта по очередным правилам очередных боёв без правил, сетевые просмотры которых в последнее время снова набирали популярность. Короче говоря, положение Дмитрия Магометовича на служебной лестнице было шатким и особых перспектив в карьерном росте ему не светило.

Зато сейчас, в условиях блэкаута, такой сотрудник, как он, был просто незаменим! Вениамин оценил это быстро и не прогадал. Он назначил Дмитрия Магометовича начальником Первой оперативной группы, из-за чего его авторитет среди более возрастных полицейских значительно укрепился. Потому что Первой опергруппе поручались наиболее ответственные миссии. То есть те, решить которые предстояло сугубо силовыми методами. Дмитрий Магометович сам набрал себе сотрудников, ожидаемо выбрав наиболее авантюрных и склонных к насилию полицейских, к которым позже присоединилось несколько

бывших сотрудников ОМОНа, уволенных ранее по ходатайству профпсихологов.

Первая опергруппа оказалась просто кладом, иначе не скажешь! Когда надо было решить вопрос силой, Дмитрий Магометович не просто не колебался ни секунды, но и действовал быстро и решительно, не дожидаясь подтверждения Раисой полученных от Вениамина указаний. Потому что был прекрасно осведомлён о её нерешительности и не являлся сторонником траты времени на длительные уговоры, не несущие никакой перспективы. И это было весьма удобно ещё потому, что Вениамину не приходилось выяснять, как, сколько раз и в кого именно стреляла Первая опергруппа. Он выдавал подчинённым миссию, они выполняли её, словно квест в игре с открытым миром. То есть своими силами и на своё усмотрение. Вениамин мог позволить себе не вдаваться в подробности. Он получал результат и выдавал награду. Очень увлекательно! Причём для обеих сторон. Позже Вениамин создаст ещё одну такую силовую команду, в которую войдут более взрослые сотрудники, которым некомфортно находиться в подчинении у молодого офицера, уступающего им в возрасте целое десятилетие.

И самое главное, если вдруг, сугубо гипотетически, блэкаут закончится, отвечать за всё будет Дмитрий Магометович. Потому что Вениамин с Раисой не были в курсе его методов. Возможно, сестру всё равно накажут, но, учитывая сложившуюся в МВД практику, это максимум отправка на пенсию. В общем, ерунда. Тем более что блэкаут не закончится никогда! В этом Вениамин свято уверен! Он буквально копчиком чувствует, что настало время глобальных перемен, в которых куш срывают те, кто отринул косность мышления, наплевал на покрывшиеся пылью стереотипы и пошёл на риск первым! Первопроходец получает всё!

– Господин Главный консультант! – вместе с Дмитрием Магометовичем в офис вошёл возмущённый мужчина лет сорока пяти в сильно помятом выпачканном кашемировом пальто и диоптрических очках в дорогой оправе. – Это возмутительно! Заявляю категорический протест полицейскому произволу ваших сотрудников и осуждаю их подход к исполнению своих обязанностей! Требую встречи с начальником Отдела! Почему меня привели к вам?!

– Потому что начальник Отдела пропал без вести в первый день блэкаута, – скорбно ответил Вениамин. – Исполнение его обязанностей взяла на себя его заместитель, в помощь которой мэрия прислала антикризисного консультанта, то есть меня. Вас привели ко мне, потому что решение бытовых вопросов входит

в область моей компетенции. Начальник ОМВД занимается непосредственно проблемами охраны правопорядка и прочими силовыми методами. Вряд ли вы захотите обсуждать свою проблему с ней. Со своей стороны готов выслушать ваши требования и искать пути их решения! В чем суть вашей проблемы?

Услышав вежливую и грамотно выстроенную речь, возмущённый мужчина несколько снизил градус своего недовольства и принялся объяснять, обличительно указывая на стоящего рядом Дмитрия Магометовича:

– Эти дуболомы в форме полицейских ведут себя крайне оскорбительно! Являюсь дипломированным педагогом! С именем и имиджем! Меня знает половина столицы! Столкнулся с голодом, грабежом и насилием, с огромным трудом сумел найти ваш отдел и что вижу?! Меня пытаются заставить драить гальюны и выносить за всеми фекалии, шантажируя едой! Они отказываются выдавать мне пищу из-за того, что не являюсь чернорабочим и требую обеспечить себя работой по специальности! Кощунство с моей стороны, не так ли?!

– Вынужден с вами согласиться! – Вениамин придал своему голосу глубокомысленные интонации и осуждающе посмотрел на Дмитрия Магометовича: – Товарищ старший лейтенант, почему вы сделали это? По какой причине вы отказываете опытному профессионалу в работе по специальности?

– Потому что он – логопед! – Дмитрий Магометович не скрывал иронии. – Его специальность нам нафиг не нужна! Сейчас не до изысков, людям выживать надо! Нам рабочие руки нужны, всяких сраных гуманитариев девать некуда! Они только жрать требуют, пользы от них никакой! Запарился уже всяких жирных менеджеров и программистов учить, как метлой махать!

– Вот! – выпалил логопед. – Вот видите?!! Какие ещё вам нужны доказательства?! Являюсь известным в столице дефектологом, имею множество знаменитых клиентов, работаю с детьми бизнесменов из списка Форбс и звёзд первой величины, а этот неотёсанный пещерный человек несёт беспросветную чушь о гуманитариях…

– Убедительно прошу всех сохранять спокойствие и цивилизованный стиль общения! – строго заявил Вениамин, прерывая поток его возмущений. – Ваша позиция мне ясна, вы совершенно правы – так дальше продолжаться не может!

Примем немедленные меры! Вы получите продуктовый набор через десять минут, гарантирую! Пока же прошу вас вернуться к себе, а вас, товарищ старший лейтенант, попрошу остаться! У меня к вам серьёзный разговор!

Логопед смерил полицейских презрительно-победным взглядом и гордо удалился, хлопнув дверью. Вениамин выждал несколько секунд на всякий случай и обратился к старшему лейтенанту, понижая голос:

– Дмитрий Магометович, выдайте этому логопеду минимальный продуктовый набор и выставьте его к чёртовой матери! Желательно подальше от нашего забора! Нам тут бесполезные дармоеды не нужны! Как он вообще к нам попал?

– Ну… – полицейский недовольно поморщился, – ещё до того, как мы ввели отбор. Появился тут где-то за день или два до этого. Попался на глаза Раисе, что-то там наплёл ей про своих знаменитых клиентов, швырялся фамилиями. Короче, она приказала взять его к нам. Но он с тех пор палец о палец не ударил! Нифига не хочет делать, даже просто дрова таскать! Сделал ему пару предупреждений, потом отправил сортир чистить, чтобы не разлагал дисциплину, а то на него другие смотрят! Вот он к вам и прибежал! Вцепился в меня, типа, веди к начальству! Хотелось прорубить его от души, но не стал. Знал, что вы примете правильное решение! Специально привёл его к вам, а не к Раисе, вы реально шарите в том, как в кризис выживать нужно, а она опять начнёт миндальничать! Если бы она рулила, мы бы тут с голоду уже передохли, раздавая продукты направо и налево каждому такому вот гуманитарному глисту из задницы!

– Раиса Моисеевна выбивается из сил, стараясь спасти всех, – вздохнул Вениамин. – Не судите её строго, она женщина и идеалист, ей хочется счастья для всех, чтобы никто не ушёл обиженным! Поэтому жёсткие решения даются ей тяжело. Для этого есть мы с вами, Дмитрий Магометович! И на нас лежит огромная ответственность: необходимо сохранить среди всеобщего хаоса островок порядка и цивилизации! Это сейчас всё вокруг кануло в беспредел и анархию. Людям свойственно адаптироваться! Рано или поздно всё придёт в равновесие, и начнётся становление нового порядка. Центральное место в котором займут те, кто способен приносить пользу себе и окружающим. Бесполезным трутням здесь места нет. Поэтому всех таких, как этот убеждённый гуманитарий, вышвыривайте самым показательным образом! Чтобы другим неповадно было! Кто не работает – тот не ест!

– Обычно говорю: «Кто не работает – тот не есть!» – осклабился полицейский. – Так до стада доходит лучше! Тогда пойду, накормлю убогого! – Он многозначительно усмехнулся: – В последний раз!

– Вы, без сомнения, имеете в виду последний раз на территории нашего Отдела, – уточнил Вениамин. – Да, конечно, сделайте это, Дмитрий Магометович! Убивать его и таких, как он, не нужно. Разумнее извлечь из них пользу.

– Какая от этих рукожопых может быть польза? – скептически нахмурился старший лейтенант. – Они нифига не умеют, да ещё и чернорабочими быть не хотят, и другим фиговый пример подают! Один такой уродец чё-то там хрюкнул, и сразу несколько таких же нарисовываются и его поддерживают! Расстрелять козла – и все заткнутся!

– Вы смотрите на происходящие вокруг процессы слишком сиюминутно. Как раз об этом хотел с вами поговорить! – Вениамин жестом поманил к себе своих телохранителей: – Господа офицеры, убедитесь, что двери надёжно заперты, и прошу сюда! Вы должны вникнуть в суть одного из основных долгосрочных направлений нашей антикризисной стратегии!

Эти люди ценят его лидерство, поэтому такое дело нужно поручить именно им. Они не подведут, потому что доверяют его решениям, а позже, с течением времени, сами войдут во вкус, как только поймут весь глубокий смысл, заложенный в его идею.

– Итак, – Вениамин дождался, когда все офицеры, включая автоматчиков, соберутся возле его стола, и продолжил: – сейчас вокруг всё плохо, и мы вынуждены заниматься выживанием. Все, кто хотел и имел на то возможность, давно покинули город. Те, кто не сделал этого, планируют оставаться здесь надолго. Как минимум на зиму. Самые интеллектуально развитые люди, такие, как мы, позаботились о том, чтобы перезимовать успешно, а не умереть от голода и холода. То есть обеспечили себя продовольствием и надёжным местом обитания. Менее умные, которым из города идти некуда, тем более сейчас, когда со дня на день ударят морозы, пытаются прибиться к тем, у кого есть продовольствие. Ни для кого не секрет, что к нам каждый день отовсюду стекаются толпы людей, требующие обеспечить их продуктами.

– Все заявляют, что мы обязаны делать это, потому что мы полиция! – Дмитрий Магометович презрительно скривился. – В законе о полиции нигде не написано о том, что полиция должна кормить граждан! Следить за правопорядком – да! Пресекать правонарушения, предотвращать и расследовать преступления и тому подобное – да! Кормить – нет!

– Правильно! – с готовностью поддержал его Вениамин. – Потому что полиция – это не Минпромторг, не Росрезерв и так далее! Кормить людей обязаны профильные структуры, но они рухнули вместе с государственностью! Многие ещё надеются, в том числе Раиса Моисеевна, что блэкаут закончится! Убеждён: этого не произойдёт! Мир изменился, и горе тем, кто этого не понимает! Они умрут от голода на задворках истории в ожидании, пока кто-нибудь их накормит! Это не наши проблемы, господа! Мы должны выстроить новую государственность и новый порядок! Человек – существо интеллектуальное и стадное, он всегда будет стремиться к обществу, в котором установлен и соблюдается порядок, что гарантирует людям стабильность и предсказуемость! Тот, кто добьётся этого в условиях изменившейся реальности, получит всё! Но за этими красивыми словами скрывается необходимость выжить в самые первые и самые сложные времена разразившегося хаоса, то есть сейчас! Для этого мы будем вынуждены ограничить раздачу продовольствия! Это неизбежно, иначе, как правильно упомянул Денис Магометович, наших запасов не хватит, чтобы перезимовать!

– Зачем вообще мы вылезли за забор? – В голосе одного из автоматчиков звучало нескрываемое непонимание и неодобрение. – Сидели же пять суток внутри периметра и ни на что не реагировали! Собирали только своих, остальным стреляли под ноги, и этот аргумент понимал любой аутист! Для чего нужно было открывать в терминале кормушку для всех подряд? Теперь перед воротами толпа днём и ночью, мы уже запарились вылавливать хитрозадых, которые лезут через забор по всему периметру!

Заручиться в этом вопросе поддержкой наиболее доверенных сотрудников было необходимо, и Вениамин не стал игнорировать вопрос, хотя ответ на него был ясен любому человеку с высокоинтеллектуальным мозгом. Но таковой имели немногие, зато многие были недовольны тем, что улица возле ворот, ведущих в контейнерный терминал, была постоянно забита толпой, стоящей в очереди за продуктовыми наборами. Охрана жёсткими методами пресекала попытки перелезть через забор, но всегда находились новые отморозки, и конфликты не заканчивались.

Но Вениамин был готов к этой ситуации заранее и потому всё предусмотрел: в тёмное время суток улицы перед забором подвергались налётам «неизвестных банд», и ночевать там толпа быстро перехотела. Поэтому ночью, под усиленной охраной, продовольствие перемещалось с контейнерного терминала в здание ТЛЦ и складировалось там. Рано или поздно перемещено будет всё, контейнерный терминал станет не нужен и будет отдан на откуп толпе. Толпа убедится, что там ничего нет, и пусть делает что хочет. Зато к зданию ТЛЦ никого не подпускают на выстрел с первого дня! Тем самым Вениамин вырабатывает у толпы условный рефлекс воспринимать ТЛЦ как место опасности, а не потенциальную кормушку! Конечно, проблемы с толпой будут, но этот вопрос решит Дмитрий Магометович, ему подобные методы удаются очень хорошо!

– Отсидеться первые дни было необходимо, чтобы дождаться, когда из города уйдёт толпа, которая решила уйти! – Вениамин сделал волевое лицо и веско добавил: – Не было никакого смысла раздавать продукты тем, кто всё равно вскоре уйдет! Пользы от столь убыточного разбазаривания ресурсов никакой! Теперь же ситуация изменилась! Нам требуются люди, но не все подряд! Бесполезные рты не нужны никому, в том числе нам! Мы заинтересованы в бойцах, медиках и рабочих, способных в условиях отсутствия электричества делать что-то руками!

– Бойцов понемногу собираем. – Дмитрий Магометович снял с головы полицейский шлем и задумчиво почесал затылок. – Бывшие сотрудники пришли, пожарные из ближайшей части МЧС, несколько действующих военных и десятка три отставников. Может, кто ещё придёт. Ходят слухи, что на другом конце района появилась какая-то этническая банда, засевшая на территории военной части Росгвардии. Они тоже бойцов набирают, многие уходят к ним. Потому что мы полиция, а полицию недолюбливают!

– Это позиция недалёких умов, – снисходительно улыбнулся Вениамин. – Тех, кто ещё не понял, что нет уже ни полиции, ни Росгвардии, ни правительства. Люди выживают так, как могут! Где оно, это правительство?

– Говорят, из Кремля в сторону области ушло большое количество войск, – поморщился полицейский. – Вроде президент ушёл с ними. Но в Кремле остался гарнизон и много народа, туда сейчас не подойдёшь, Красная площадь простреливается, сразу предупредительный огонь открывают, так что рисковать непонятно ради чего нет смысла. Но другие говорят, что президент ещё там. А

третий слух вообще о том, что президент и премьер разбились на своих вертолётах ещё в первую минуту блэкаута, и новым президентом стал Директор ФСБ. Есть даже слух о том, что он устроил войну с министром обороны и убил его. Но есть и другой слух, что министр обороны выжил, прорвался из Кремля куда-то к себе в штаб и теперь готовит штурм Кремля. И фиг знает, есть ли правда хотя бы в одном из этих слухов!

– Есть там правда или нет, для нас значения не имеет! – авторитетно заявил Вениамин. – Правительство занято своими междоусобными разборками и самоустранилось от управления страной! Точнее, оно физически утратило возможности этого управления! Как, скажите мне, президент или кто там теперь за него, может повлиять на ситуацию, допустим, в Грозном, Казани, Новгороде или Екатеринбурге? Или даже в конкретно нашем Кунцево? Никак! У них нет никаких возможностей! Уверен, все, кто сохранил власть и успел окружить себя вооружёнными подразделениями, уже покинули Москву, чтобы добраться до каких-либо складов Росрезерва и крупных аграрно-промышленных предприятий. То есть до источников продовольствия! И это было ясно с самого начала, потому что без связи ещё можно что-то сделать в условиях блэкаута, но вот без транспорта ничего сделать не возможно! Тридцатимиллионный город нечем кормить, а места производства пищи находятся в десятках и сотнях километров от столицы! Убеждён, что и в других городах ситуация сейчас развивается схожим образом!

– Иными словами, власть сейчас сократилась до радиуса полёта пули, – вновь усмехнулся Дмитрий Магометович. – В каждом районе теперь собственная власть, и даже не одна. Анархия, короче!

– Это неизбежный период мировых катастроф, таких, как эта! – уверенно произнёс Вениамин. – Старая система была адаптирована и узко специализирована под конкретные возможности научно-технического прогресса. Старые возможности исчезли, и система не выдержала проверки на устойчивость. Но жизнь продолжается, и вместо старой системы всегда возникает новая! И во главе неё станут те, кто первым адаптируется к новой реальности! Хочу подчеркнуть, что оная адаптация – это жёсткий процесс естественного отбора, в котором столкнётся множество мелких сил, хаотично образовавшихся на обломках старой власти! Например, та этничесткая банда, о которой вы говорили!

– Что-то не верится, чтобы какие-то отморозки захватили часть Росгвардии без участия самой Росгвардии, – Дмитрий Магометович с сомнением покачал головой. – Наверняка там просто росгвардейцы объединились с земляками, а чужих выпнули! Они же должны что-то есть, а есть в части нечего! Зато продукты есть в торговом центре, который там рядом, и его ЧОП охранял, созданный отставными росгвардейцами, выходцами откуда-то из мусульманских регионов. Короче, у нас появились конкуренты. Потому что у нас запасов по-любому больше: этот ТЛЦ снабжал их супермаркет в том числе, а ещё наш терминал контейнерный, который рядом, грузы-то туда прибывали! Слышал, они вчера отправляли отряд, который обошёл нас со стороны терминала и ушёл по рельсам в сторону области.

– Известно, с какой целью они сделали это? – заинтересовался Вениамин.

– Говорят, искали железнодорожные составы, которые не дошли до нашего терминала и застряли где-то на путях, – ответил тот. – Вроде как они прошли полдня и нашли один такой, но его уже вскрыли и грабили какие-то местные. Эти самые этноросгвардейцы сцепились с ними, началась стрельба, были убитые и раненые с обеих сторон. Этногвардейцы вроде победили или что, тут я хз, но, говорят, что какую-то добычу они с собой принесли. Типа, чуть не надорвались тягать доверху груженые телеги, которые они сделали из автоматических погрузочных платформ. Если это не пустой трёп, а всё так и было, то они по-любому сейчас собирают силы, чтобы вернуться к тому составу и забрать всё остальное. Может, уже ушли туда, я хз!

– То есть они не решились нападать на нас и предпочли стычку с плохо вооружёнными неорганизованными мародёрами! – Вениамин взвешивал полученную информацию. – Значит, их сил пока недостаточно для открытого противостояния… Но если они и есть остатки той самой части Росгвардии, то в их распоряжении имеется современное армейское оружие, которого у нас нет… Стало быть, у них проблемы с численностью…

– У них проблемы с оружием! – объяснил один из автоматчиков. – Вы когда-нибудь стреляли из боевого автомата, Вениамин Моисеевич?

– Только в компьютерных играх, – стушевался Вениамин. – Признаюсь, не служил в армии по состоянию здоровья. А в чём, собственно, проблема?

– В том, что современные автоматы, пулемёты и прочие гранатомёты напичканы электроникой круче, чем воч! – На лице автоматчика возникла кривая ухмылка. – Они не работают сейчас от слова «совсем»! Из них не выстрелишь! Без работающей электроники механизм не может вести огонь – всякие там предохранители и прочие системы не срабатывают! Теперь это кусок бесполезной железяки! По крайней мере до тех пор, пока его не переделают так, чтобы стрелять без всякой электроники. Но для того, чтобы сделать это, нужно использовать сложные станки с ЧПУ или как там оно правильно называется… короче, теперь это хлам!

– Разве ваш автомат не стреляет? – Вениамин насторожился, невольно косясь на оружие своего телохранителя, от которого зависит его собственная жизнь. – Вы носите его просто для острастки?

– Ещё как стреляет! – заверил его полицейский. – Потому что это не автомат, а пистолет-пулемёт, причём полицейский! В войсках используют более мощное оружие. Конкретно эта модель далеко не новая и электроники не имеет, если не считать универсального электронного прицела типа «день-ночь», который я уже выбросил нафиг! Все наши пистолеты стреляют, и армейские тоже, там нет электроники. Гражданские и охотничьи стволы, ну, те, что попроще, без изысков за большое бабло, тоже долбят как ни в чём не бывало! Но сложное и мощное оружие стало бесполезным, а им вооружены вся Росгвардия, ФСБ и Минобороны. У ФСБ и всяких военных спецназов должно быть где-то на складах оружие старого образца, которое выпускали полвека назад, но где это всё лежит, мало кто знает. Да и сколько тех стволов осталось? Короче! – Он решительно рубанул рукой воздух: – Нет у тех бандито-гвардейцев автоматов, это сто процентов! Вот и не сунулись они пока к нам!

– То есть в обозримом будущем, если они разживутся достаточным количеством исправного оружия, вооружённый конфликт с ними неизбежен! – сделал вывод Вениамин. – И нам следует к этому подготовиться!

– Готовимся, как можем! – Дмитрий Магометович прицепил шлем к поясу, привязав за хлястик, чтобы не держать в руках. – Людей собираем, оба оружейных магазина, которые были поблизости, вынесли целиком. Пытались искать другие, но без навигатора всё это делается исключительно наудачу: повезёт – не повезёт! Один магазин мы даже нашли, но от него осталось только помещение – его разграбили подчистую, даже стальные двери в оружейное хранилище вынесли – выбили топорами и кувалдами вместе с косяками и

дверной рамой. Может, владелец сделал это вместе с персоналом, может, толпа разнесла – фиг знает! Но нам там ничего не досталось. Где ещё брать оружие – я хз! Появится возможность – заберём всё! А пока у нас есть только то, что было в Отделе и тех двух магазинах. Пару сотен бойцов вооружить сможем, но не больше. И с патронами рано или поздно начнутся проблемы.

– Разве использованные патроны нельзя как-то перезаряжать? – уточнил Вениамин. – Слышал, что люди делают это!

– Охотничьи патроны можно переснарядить, – подтвердил автоматчик. – Если есть порох, картечь и пыжи. Картечь можно отлить из свинца, пыжи много из чего сделать, а вот как делается порох, никто понятия не имеет, уже спрашивали! Там всё сложно, даже если гуглить! А сейчас и подавно! Из оружейных магазинов весь охотничий порох, который был, мы вынесли и поместили здесь в надёжное помещение под охрану. Им будем патроны для гладких стволов переснаряжать, удалось даже найти пару челиков, которые умеют делать это. Но с патронами под нарезные стволы реально проблема! Охотничий порох для них не подходит, да и пулю отливать – это не картечины фигачить, для этого высокоточные станки нужны или готовые формовочные отливки. У нас нет ничего этого. Так что патроны к нарезному надо беречь.

– Или покупать! – многозначительно заявил Вениамин.

– Покупать?! – удивился Дмитрий Магометович. – Где? У кого? И на что?

– Вот об этом и ведём разговор! – с важностью напомнил Вениамин. – На чём мы остановились? Нам не хватает многих вещей, особенно таких, которые можно использовать без электричества. Мы вскрываем контейнеры на терминале, но в них в основном находятся продукты питания, что просто очень, очень хорошо! Это даёт нам возможность увеличивать собственные запасы и при этом выдавать продуктовые наборы пришлым людям.

– Это слишком большой расход продовольствия! – недовольно насупился один из телохранителей. – Наши жалуются, что многие вкусные или ценные продукты уходят в толпу прямо из контейнеров, хотя можно было бы взять их себе! Те же шоколадные батончики своим детям подарить!

– Понимаю, со стороны это может выглядеть нелогично! – согласился Вениамин. – Но смысл в этом есть: наши представители, тщательно мною проинструктированные, таким способом проводят отбор и рекрутинг необходимого нам персонала! Пришлые получают минимальный продуктовый набор, при этом рассказывая, кто они по профессии, чем занимались до блэкаута, какое хобби имеют и так далее. Их показания фиксируются при помощи пометок маркером на стенках контейнеров и упаковочных ящиков. Те, кто представляет интерес, аккуратно извлекаются из толпы и отводятся к нам! Так за прошедшую неделю мы обзавелись двумя терапевтами и пятью медицинскими сёстрами! Это очень хороший результат! Нам жизненно важно разыскать хотя бы одного хирурга, причём такого, чтобы умел оперировать руками, без хирургического стола с роботизированным скальпелем, но с этим пока проблема. Зато вчера нашли неплохого ювелира, и теперь наши возможности по приобретению нужных вещей расширятся, потому что сможем покупать у бесполезного населения то, что планируем использовать!

– Это в смысле обменивать на золото, что ли? – нахмурился Дмитрий Магометович. – Для этого ювелир был нужен?

– В идеале ювелиров должно быть несколько: двое или трое, но вы правы, – подтвердил Вениамин. – С сегодняшнего дня мы сделали минимальный продуктовый набор немного меньше, чем прежде. Чтобы его хватало на пару приёмов пищи, то есть от силы на день, и только одному человеку. Мы выдаём его бесплатно в порядке живой очереди, но не чаще раза в день. Учет ведётся маркерами, при необходимости надписи смываются бытовой химией, так что проблем с этим нет! Но если кто-то захочет получить больше продуктовых наборов, он сможет обменять их на что-либо, нам нужное, такое как оружие, патроны, необходимые инструменты и прочее, согласно сделанному мною списку. В том числе на ювелирные изделия из наиболее драгоценных металлов. А у кого их много?

– У всяких сраных гуманитариев вроде этого звёздного логопеда! – В голосе Дмитрия Магометовича зазвучало удовлетворение. – Теперь понял нашу стратегию! Вышвырнем его за забор аккуратно!

– Совершенно правильное решение! – с абсолютной серьёзностью поддержал его Вениамин. – Теперь, когда у нас есть свой ювелир, проблемы подделки благородных металлов исключены!

Со стороны коридора раздался звук многочисленных шагов, и в дверь офиса требовательно постучали.

– Вениамин! – голос Раисы нёс нотки возбуждения, возмущения и недовольства. – Ты у себя? Нам нужно срочно поговорить!

– Господа офицеры, откройте дверь, – вежливо попросил Вениамин и встретил решительно входящую в офис сестру сдержанной братской улыбкой: – Раиса! Ты как раз вовремя! Хотел идти к тебе после этого совещания!

– Вениамин! – Возмущённая сестра обожгла присутствующих офицеров властным взглядом, явно размышляя, стоит ли выгнать их за дверь или, наоборот, более продуктивным будет потребовать от брата объяснений в их присутствии. – Это что ещё за новости?! Ты приказал продавать людям продуктовые наборы?! Совсем с ума сошёл?! Нас всех посадят! – Она вновь обожгла взглядом своих офицеров: – И вас тоже! Это должностное преступление!

Раиса возмущённо уставилась на Вениамина, отчего возникло ощущение, что её глаза навыкате сейчас выстрелят в него из глазниц и пробьют насквозь, словно пули:

– Почему ты не поставил меня в известность о том, что сделал это?! Что вообще происходит в моём Отделе?! Пришла сюда по жалобам людей, с которых требуют плату за еду, а мой офицер, руководящий выдачей продуктовых наборов, заявляет мне, чтобы я проконсультировалась у тебя! Капитан посылает подполковника к гражданскому специалисту! Ты совсем офигел?!

– Раиса, – мягко произнёс Вениамин, кивая своим телохранителям. Один из них немедленно подал сестре стул, второй поднёс бутылочку минеральной воды. – Очень извиняюсь, что не успел согласовать с тобой это решение! Совершенно нет времени! – Он указал на свой письменный стол, заваленный исписанными расчётами бумагами: – Считаю день и ночь, словно калькулятор! Вот сейчас собирался к тебе идти, но ты очень вовремя приняла решение заглянуть ко мне! Присаживайся, изложу суть долгосрочной стратегии! Но прошу оставить тут только тех, кому положено присутствовать на совещании руководства!

Он бросил на сестру многозначительный взгляд, мол, оставь только тех, кому доверяешь. Остальным расскажешь потом сама, если посчитаешь нужным. Раиса поняла и нехотя велела своей охране выйти. С её стороны остался лишь один офицер, майор по фамилии Раневский, который, собственно, и запер за остальными дверь. Вениамин оценил это как хороший знак. Этого майора он уже знал, мужик трезвомыслящий и просто так слюни на тему «нас всех посадят» никогда не развешивал. Хотя некоторые из консультаций Вениамина оспаривал, но исполнять не отказывался, если Раиса подтверждала такое распоряжение.

– Первое, и мы об этом уже говорили, – столь же мягко начал Вениамин, – это то, что блэкаут никогда не закончится. Прошло две недели, вокруг воцарился хаос, с трудом представляю, как быстро и какими способами всё вернётся на круги своя, даже если электричество вернётся завтра!

Он вновь внимательно посмотрел на неё, напоминая о том, чем всегда завершаются их приватные разговоры на эту тему: если блэкаут закончится и запахнет жареным, уедешь за границу раньше, чем вся эта неразбериха уляжется, и кто-то там захочет свалить на тебя все шишки. Зато если блэкаут не закончится, ты выиграешь всё! Так не позволяй обойти себя более решительным выскочкам и проходимцам, которые сейчас растут, как грибы после дождя!

– Говорили уже об этом! – Раиса недовольно поморщилась, мол, хватит намекать на одно и то же! – Не исключаю твоей правоты, иначе бы не принимала твоих советов! Но сейчас хочу услышать объяснения по поводу этой аферы с продажей продуктовых наборов! Это реально перебор! Причём не на грани фола, как у тебя бывает обычно, а уже за гранью!

– Ты права, – Вениамин немного потрафил сестре, чтобы смягчить её обиду, – на первый взгляд это может показаться аферой. Но давайте вникнем в суть долгосрочности данной стратегии, потому что она продемонстрирует свою ценность именно в перспективе!

Он окинул всех внимательным взглядом, убеждаясь, что заинтересовал слушателей, и уверенно приступил к объяснениям:

– Итак! Как уже сказал, сейчас вокруг всё плохо и мы боремся за выживание! Для этого предпринимаются вполне логичные и единственно правильные действия: мы взяли под контроль крупные запасы продовольствия и тем самым

обеспечили себе возможность успешно перезимовать! Помимо голода и холода существуют и другие угрозы, такие как хаос, разгул анархии и всплеск бандитизма. С целью успешного противодействия этим угрозам мы нашли и продолжаем искать способы увеличения своего арсенала и количества бойцов. Правильное решение, вне всяких сомнений, поэтому с этим никто не спорит! Никто не спорит и с нашим третьим шагом, а именно набором нужных нам специалистов, трудовая деятельность которых должна оптимизировать нам процессы выживания в условиях отсутствия электричества!

Вениамин сделал многозначительную паузу и продолжил:

– Из этого логически вытекает четвёртый шаг: вышеуказанным специалистам, равно как и нам самим, для успешного исполнения своих обязанностей требуются предметы труда: оборудование, инструменты, оружие, патроны и так далее! Назовём это предметами неэлектрической категории, то есть вещи редкие либо распространённые в очень узких кругах! Без интернета найти это самостоятельно невозможно! Каждую квартиру не обыщешь! Да и зачем?! Когда есть простой и эффективный способ – купить всё это у тех, у кого оно имеется! Сейчас самая главная ценность – это еда! И у нас её есть! Те, у кого имеются нужные нам вещи, но не имеется продовольствия, могут либо съесть своё имущество, что вряд ли поможет им утолить голод, либо обменять его нам на дополнительные продуктовые наборы! И даже поступить к нам на службу, если их услуги нами востребованы! А для того чтобы у них было больше желания делать это, мы понизили объём минимального продуктового набора! Это мотивационный фактор! Нам незачем кормить бесполезное стадо вечно! Как только мы наберём достаточное количество специалистов и переместим все продукты с контейнерного терминала сюда, за надёжный забор и стены, бесплатная кормушка будет закрыта! Останется только платный способ получить у нас продуктовый набор, что мотивирует бесполезную толпу на поиски как своих материальных ценностей, так и чужих, в смысле, хотел сказать, заброшенных в пустующих зданиях! Тем самым мы избавляем себя от необходимости длительных и низкоэффективных поисков по принципу «пойди туда, не знаю куда, и найди то, не знаю что»!

– О’кей, – Раиса с хмурым видом признала его правоту. – Допустим, это объяснимо. И даже правильно. При условии, что блэкаут затянется надолго! – Она вновь бросила на него многозначительный взгляд. – Но при чём здесь торговля за ювелирные изделия? Их нельзя есть, ими нельзя просверлить отверстие в стене для дымохода или срубить дерево на дрова для печки! К

выживанию они не имеют отношения! Нас сразу же обвинят в мошенничестве, завладении чужими ценностями заведомо ложным путём и во всех прочих соответствующих преступлениях!

– Объясню! – Вениамин придал своему голосу наиболее авторитетные интонации: – Всё это, – он обвёл рукой офис, подразумевая весь ТЛЦ и Отдел, вместе взятые, – не навсегда! Рано или поздно зима и холода закончатся, а вместе с ними закончатся и запасы продовольствия! Что-то станет невозможно хранить без низкой температуры, что-то просто иссякнет, потому что нас немало и с каждым днём становится больше. Отсюда вывод: в какой-то момент настанет ситуация, не позволяющая нам выживать здесь! Подразумеваю, не только в этом конкретном месте, но в городе вообще! Потому что в городе нельзя выращивать пищу! Нереально распахивать улицы и засеивать газоны! Нам придётся покинуть это место и переместиться туда, где специалисты, которых мы привлекаем сейчас, смогут наладить постоянный быт и производство пищи! То есть за город, в сельскую местность!

Вениамин вновь сделал многозначительную паузу, давая слушателям возможность осознать всю правильность его стратегии.

– Разумеется, подготовимся к этому переселению: сделаем караван из подручных средств, загрузим имущество, оставшееся продовольствие и так далее! Но! На новом месте нам предстоит, ни много ни мало, создать новое государство! Назовём это городом-государством по примеру Древнего Мира! И для эффективности управления производственными, трудовыми и социальными процессами новому государству потребуется столь же эффективная финансовая система! Иными словами, нашему государству будут нужны деньги для взаиморасчётов, потому что расчёты бартером слишком громоздки и крайне сложны в логистическом плане, ибо требуют массы складов, постоянных транспортных перемещений, сложного учёта и так далее! Поэтому и были придуманы деньги! И нам они тоже потребуются! Но!

Он поднял палец вверх:

– Деньги должны быть эффективны сами по себе, то есть защищены от подделок, а их стоимость должна быть обеспечена некими ценностями! И тут ничего изобретать не надо, ибо всё изобретено тысячи лет назад! Золото! Неизменная и незыблемая ценность всех времён и народов! Благородный металл, не поддающийся коррозии, хранящийся чуть ли не вечно и находящий

применение во все времена и в любые эпохи. Рано или поздно хаос сменится стабильностью, и последует новое возрождение! И роль золота вновь резко возрастёт! Мы же озаботимся этим заранее! Накопим золотой запас и, когда придёт время, переплавим весь этот ненужный ныне золотой хлам в монеты собственного образца! Наш город-государство будет обеспечен финансами изначально! И подделки нам не страшны, потому что наличие у нас ювелиров исключит угрозу подделок наших монет с помощью недрагоценных металлов, а ввод в оборот золота со стороны только приветствуется!

Вениамин позволил себе скромную улыбку:

– Потому что золото – это материальная ценность, его можно украсть. Люди будут заинтересованы в надёжном хранении, и мы предоставим им таковое! Создадим надёжно охраняемые банки, и все сами понесут туда деньги, чтобы сберечь их, а заодно обезопасить себя от потенциальных грабежей, которые будут происходить сплошь и рядом, особенно в первое время! Неважно, сколько у кого из них будет денег, потому что все они будут храниться у нас! И мы в любую минуту сможем заморозить средства того или иного нелояльного субъекта! Всё, как в только что рухнувшей мировой финансовой системе, с той лишь разницей, что в нашем случае всё будет зависеть от нас, а не от воротил финансового мира за океаном или в нейтральных странах!

Он перевёл дух и закончил:

– Вот и всё, господа! Просто, логично и эффективно! Заботиться о накоплении золотого запаса необходимо именно сейчас, пока золото обесценилось, а на первое место вышло выживание, то есть добыча пропитания! Готов выслушать вопросы!

Вопросов ни у кого не возникло, что не удивляло: всё и так чётко и ясно! Особенно Вениамина порадовала реакция майора полиции, входившего в свиту Раисы.

– До блэкаута любил покатать в стратегии, – вздохнул Раневский, – построить город, потом страну и цивилизацию. Золота на старте всегда не хватало даже в игрухах. А у нас далеко не игра…

– Совершенно верно подмечено! – немедленно поддержал его Вениамин. – Но, уважаемые господа, настоятельно прошу на данном этапе не афишировать наши долгосрочные планы лишним людям! Допустить появление слухов на эту тему контрпродуктивно! Пусть толпа просто обменивает золотые украшения на еду, не заморачиваясь о глобальном! Так проще.

* * *

– Какой ужас! Изверги какие-то! Бандиты! Преступники! – Негромкие возмущения Ларисы за прошедшую пару суток стали привычным речевым фоном для медленно заживающих ушей, надорванных ударами зимней обуви.

Максим с Денисом лежали в гостиной на мягких диванах роскошной окружающей обстановки, и сердобольная домохозяйка суетилась вокруг них с различными примочками, мазями и пластырями.

– Куда смотрит полиция?! – тихо бормотала Лариса, осторожно снимая пластырь с опухшего лица Дениса. – Когда вообще всё это закончится?! Это же форменный беспредел! Анархия какая-то!

– Ай! Вы что делаете?! – Денис скривился, хватая её за руку: – Лариса, давайте поаккуратнее! Может, пластырь водой размочить? А то вместе с кожей отрываете, офигеть как больно!

– Да-да, я размочу его детским маслом! – немедленно заторопилась домохозяйка. – Видимо, пластырь припёкся к коже вместе с кровью! Придётся подождать минут десять. Или попробуем сорвать его резким движением?

– Да уж нафиг! – Денис невольно отодвинулся от неё вглубь дивана. – Давайте маслом! А то опять кровь пойдёт! Зачем тогда клеили на рану пластырь?!

Домохозяйка не стала спорить и принялась смачивать присохший к ране пластырь детским маслом из пластикового пузырька.

– Для этого лучше использовать хлоргексидин, – сообщила она, осторожно капая пипеткой масляные капли на присохшую к коже окровавленную ткань. – Но он закончился вчера. У нас была всего одна баночка, да и та початая.

– А что с водой? – Максим ощупывал рукой собственные повязки в ожидании своей очереди. Врач из Ларисы был такой себе, повязки она накладывала неумело и неуклюже, но это лучше, чем ничего вообще. – Пить хочется!

– Сейчас принесу! – Лариса поспешила на кухню. – Пусть пластырь пока размокает!

– Грёбаные уроды! – Денис, кривясь, ощупывал присохший к лицу пластырь. – Найду – убью нахрен! Чёрт, почему так долго заживает?! Двое суток прошло, а лицо до сих пор опухшее, словно барабан! Дышать больно, рёбра болят, в башке гудит – как я вообще не умер?!

– Думаю, нам ещё повезло. – Максим коснулся заплывшего глаза на собственном лице и поморщился дважды – от досады и от боли, возникшей из-за того, что поморщился от досады. – Эти ублюдки просто отпинали нас и ушли. А могли бы прыгать на нас всей своей скотской тусой и пинать с разбега. Так людей насмерть и забивают.

– Больше такого не повторится! – зло процедил Денис, с болезненным стоном поправляя под головой подушку. – Как только достану топор, вскрою сейф со стволами и буду стрелять в каждую мразоту, нафиг! Пусть только дёрнутся, скоты вонючие!

– Согласен! – Максим осторожно сковырнул с опухшей щеки корочку запёкшейся крови. – Лучше пусть отец потом отмазывает меня от полиции, чем какие-то очередные колхозные выблюдки забьют меня насмерть в очередном Мухосранске!

– В очередном? – Денис неуклюже повернул в его сторону обклеенное пластырями опухшее лицо, синее от обширных гематом: – Ты что, снова собрался пройтись по магазинам?

– А куда мы денемся? – Максим с трудом посмотрел на друга. – Продукты закончились, воды нет. Твоя Лариса бегает с бутылками на реку и поит нас кипячёной водой. Жить как будем дальше? Когда последнюю банку с тушняком съедим? Кстати, сколько их осталось?

– Надо с соседями объединяться. – Денис, кривясь, вернул голову в прежнее положение и уставился в потолок. – Видел, какие толпы супермаркет грабили? Вдвоём нам мало что светит, даже со стволами. Толпа нужна, чтобы кто-то грузы таскал, пока мы с оружием их охранять будем.

– Логично. – Максим закрыл тяжёлые веки. – А ты уверен, что они будут мешки таскать? Соседи твои?

– Я хз! – в голосе Дениса мелькнуло раздражение. – Тут все состоятельные и возрастные, с гонором и самомнением! Я с ними знаком поверхностно, потому что живём в одном посёлке. Отец их хорошо знает. Поговорим с ними и посмотрим. Может, у кого-нибудь прислуга есть, возьмём в аренду в качестве носильщиков. Сами-то они точно ничего таскать не станут.

Он услышал торопливые шаги возвращающейся Ларисы и встретил её вопросом:

– Лариса, вы не замечали, наши соседи ведут какую-нибудь активность?

– Пыталась вчера воды попросить у кого-нибудь! – немедленно запричитала Лариса, спеша к нему с подносом в руках. – Соседи слева, которые в угловом доме живут, не открыли. Думаю, их дома нет. Собака у них надрывается третьи сутки, сидит на цепи голодный здоровенный волкодав! Так и сдохнет без воды! Я ему речной налила в тарелку и у забора поставила, он голову через прутья просунул и выпил всё до капли! Его точно несколько дней не поили!

– Я вроде видел там какого-то узбека во дворе в первый день, когда мы из Москвы вернулись. – Денис протянул руку к подносу и взял одну из двух кружек с водой.

Он с трудом приподнялся, сделал глоток и поморщился:

– Фу, блин, кипячёная вода такая гадость на вкус! Лариса! Почему не добавить туда лимона хотя бы?!

– Лимоны вчера закончились, – расстроенно вздохнула домохозяйка, поднося вторую кружку Максиму. – А узбек тот на третий день ушёл, я видела, как он выходил и ворота за собой запирал. При нём ещё две здоровенные сумки были, в

обеих руках, еле тащил!

– Угу, – Максим болезненно глотал противную воду, – наверняка ограбил своих любимых хозяев! Вынес всё, что смог унести!

– Уроды понаехавшие! – Денис не смог выпить всё содержимое кружки и поставил её на пол, едва не опрокинув. Лариса немедленно поспешила подобрать кружку. – А что с Рамилем Исааковичем, который справа живёт? Вы к нему заходили?

– Заходила. – Лариса составила кружки на журнальный столик и принялась возиться с замоченным пластырем на лице Дениса. – Они с супругой дома. Жаловались, что с начала блэкаута никто из домашнего персонала на работу не вышел. Всё хозяйство на них осталось, дом у них немаленький, пять тысяч квадратов в трёх этажах, а им уже за семьдесят. Надеялись, что дети к ним из Москвы приедут, но пока я не видела, чтобы кто-то к ним приезжал.

– Воды-то хоть дали? Ай, блин! – Денис дёрнулся, отпрянув от Ларисы. – Вы что делаете?! Сказал же – больно!

– Всё-всё, Денис Натанович, пластырь уже у меня! – Лариса предъявила ему оторванный пластырь, скукоженный от пропитавшей его запёкшейся крови. – Сейчас рана подсохнет, и наложу вам новый!

Она потянулась за упаковкой лейкопластыря и ножницами, тяжело вздыхая:

– Воды мне не дали. Сказали, у самих не осталось, тоже на речку за ней ходят. Уговорила их поделиться лейкопластырем. Наш уже закончился, это их упаковка!

– С паршивой овцы – хоть шерсти клок! – В голосе Дениса вновь мелькнули нотки неприязни. – Надо спросить, может, у них топор есть…

– Топора у них нет, – тут же ответила Лариса. – Они сами у меня топор спрашивали. Но топор есть у их соседа, Ильнара Ибрагимовича. Я видела, как он им ветки с дерева у реки срубал.

– Это тот напыщенный старпёр, бывший замминистра ФСИН, или кем он там был, на зонах этих… – Денис, скривившись, терпеливо ждал, пока Лариса наложит ему на рану на опухшей щеке новый пластырь. – Противный офигевший тип, не люблю с ним контактировать. Теперь, видимо, придётся. Без топора сейф со стволами не открыть.

– Попробуйте использовать лом! – посоветовала Лариса.

– А он есть? – оживился Денис. – Где он у нас лежит?!

– У нас нет. – Лариса переместилась к Максиму и занялась его повязками. – Но вдруг он есть у кого-то из соседей? Будете спрашивать про топор, спросите и про лом тоже!

– Капитан Очевидность не дремлет, – оценил Денис, натягивая плед до самых плеч. – Завтра пройду по всей улице и спрошу. Сегодня меня морозит. Без отопления совсем холодно стало.

– Можно поставить посреди гостиной бочку и разжечь в ней огонь, – предложила Лариса. – Если все двери закрыть, оставить только форточку, то здесь будет тепло и не очень дымно.

– Чего у нас для этого нет: дров или бочки? – Денис вновь закрыл глаза.

– Бочки нет. – Лариса принялась отрезать от мотка лейкопластыря полоски и закреплять ими на лице Максима самодельные тампоны, только что собранные из бинта. – Есть несколько пластиковых, но они не подойдут, для костра нужна железная. Можно использовать большой казан, но, думаю, места под костёр должно быть больше.

– Может, мангал сюда затащим? – без особого энтузиазма предложил Максим.

– Спалим тут всё нафиг, – вяло ответил Денис. – В нём же открытый огонь…

– И у нас дрова заканчиваются, – вставила фразу Лариса. – И жидкость для разведения огня. Если экономить и зажигать огонь только для приготовления пищи, хватит дня на два. Если костёр для отопления жечь, то за один раз,

наверное, всё прогорит.

– Офигеть… – столь же вяло пробубнил Денис, – романтика блэкаута закончилась, дальше будут только проблемы… Когда уже башка гудеть перестанет…

Он умолк, и Максим не стал ничего отвечать. С опухшим лицом разговаривать было некомфортно, на возню Ларисы нервная система отзывалась болезненно, сломанные рёбра не давали сделать глубокий вдох. Не хотелось ни шевелиться, ни разговаривать, единственным занятием, настойчиво лезшим в голову, были мысли о том, с каким бы удовольствием он нашёл избивших его ублюдков и убил каким-нибудь жестоким способом покровожадней.

От Подольска до коттеджа Дениса они добирались несколько часов, ту дорогу он запомнит на всю жизнь. Всё тело болело, голова раскалывалась от боли, ноги подчинялись с трудом, постоянно тошнило и темнело в глазах. Периодически кого-нибудь из них рвало, силы быстро иссякали, приходилось часто останавливаться, ложиться на асфальт и отдыхать. Всё это время они двигались по той же трассе тем же маршрутом, как ехали на велосипедах в Подольск. Вокруг хватало всевозможных беженцев, но никто не горел желанием помочь. Наоборот, все старались держаться подальше от вымазанных в грязи и крови избитых друзей.

Сейчас, вспоминая косые недовольные взгляды прохожих, Максим ощущал злобу по отношению к ним тоже. Нет, он, разумеется, не ребёнок и давно в курсе, что в этом мире всем на всех плевать. Но оказаться на самом дне вот так, словно отбросы общества, он никак не ожидал. Это даже не просто сильное впечатление. Нет. Это мощный урок, который они с Денисом усвоили. Второй раз на грабли наступают только аутисты, так что выводы будут сделаны соответствующие. Точнее, выводы уже сделаны, осталось лишь перейти от теории к практике. Нужно только оклематься. В таком состоянии они ни на что не способны. Хочется верить, что в нормальном состоянии они смогут решить все проблемы изменившихся реалий. Так и будет! Но в целом Дэн прав: нужны люди. Вдвоём они особо не навоюют.

– Дэн, – Максим проводил взглядом Ларису, уносящую куда-то грязные бинты и использованные пластыри, – эти твои соседи… а если у них никакой прислуги не осталось ни у кого? Всё это бичьё могло разбежаться запросто… Что тогда делать будем? Вдвоём не потянем однозначно.

– Не потянем. – Денис недовольно нахмурил опухшее лицо, но ему стало больно, и он поспешно расслабил мимические мышцы. – Тоже об этом думал. Нужны орки, чтобы пахали на переноске тяжестей, пока мы их со стволами охранять будем. Надеялся тут, в посёлке кого-нибудь найти. Но если здесь только престарелые олигархи остались, то даже не знаю, где работяг взять… подумать надо…

– Давай наймём беженцев? – предложил Максим. – Выйдем на дорогу, когда оклемаемся, и предложим тем, кто по трассе идёт в поисках лучшей жизни. Кто-нибудь наверняка согласится! Отморозков хватает, раз они по коттеджам через заборы лазают!

– Бычья в необъятной России всегда в избытке, это точно. – Денис зло ухмыльнулся. – Не верю, что всё оно в Подольске собралось! На всю Рашку одного Подольска не хватит! Только как их нанять? Они у нас стволы бросятся отбирать, как велосипеды!

– Пусть рискнут! – с ненавистью процедил Максим. – Пристрелю раньше, чем успеют протянуть свои корявки! Второго раза не будет, сука, ублюдки грёбаные!

– Присоединяюсь! – Ненависть Максима передалась Денису. – Они мне за всё заплатят, найти бы только! Кстати, о плате! Чем платить оркам будем? На что нанимать предлагаешь? В кредит вряд ли кто-то согласится. Стволом в рожу и в рабство?

– Это на крайний случай, – Максим ответил без малейшей иронии. – Когда нас станет больше. Предлагаю начать с продуктов. Пообещаем им долю с прибылей. То есть с добычи. И даже не обманем. Кому-то это наверняка понравится! Смотри сам: они ни за что не отвечают, просто таскают груз, все решения и ответственность на нас. За это они получат продукты. Все довольны!

– Ну… в принципе логично… – задумчиво уточнил Денис. – Только вечно толпа по трассе идти не будет. Рано или поздно народец закончится, если уже не закончился. Сколько раз мы успеем провернуть такую схему?

– Да сколько угодно! – не сдавался Максим. – Не факт, что нам придётся нанимать новых орков постоянно! Может, самые первые никуда не денутся!

Почему бы им не поработать на постоянной основе? Пообещаем со временем карьерный рост и всё такое! Имею в виду, самым лояльным. Станут нашими замами. Если будут хорошо мешки таскать!

– Норм! – оценил Денис. – Где будем брать продукты?

– Поначалу можно пройтись по коттеджам в поисках консервача или ещё чего-нибудь, – уверенно заявил Максим. – Если многих хозяев нет дома, то там могли остаться какие-нибудь продукты. Как только соберём команду человек из десяти, то посетим магазины или склады поблизости, какие найдём. Только там, наверное, уже ничего не останется к тому времени… Всякое бычьё их вторую неделю грабит…

Он на секунду умолк и закончил:

– Нам бы найти какой-нибудь склад побольше… Но в такой склад все окрестные бичи первым делом побегут, и полиция самая первая… Наверняка она уже там! Поэтому на разграбление всяких супермаркетов не обращает внимания. Им не до того, они продукты по домам растаскивают! Чёрт, жаль! План поначалу казался хорошим…

– А он и не плохой! – Денис привстал на диване от возбуждения: – Есть идея! Мы пойдём на контейнерный терминал! В Подольск!

– Ты знаешь дорогу? – усомнился Максим. – Да и бычья там наверняка дофига…

– Пофиг на бычьё! – решительно заявил Денис. – У нас стволы! Прострелю пару ляжек – остальные сами разбегутся! Может, повезёт и вообще найдём тех ублюдков, которые нас унизили! Вчера во сне видел, как разношу им бошки из дробовика! А дорогу найдём! В прошлом месяце был там с проверкой, делали оценку сервиса по жалобе клиента! Надо только дойти до железной дороги в Подольске, дальше доберёмся! А железка там где-то рядом с трассой должна быть! Найдём – уверен!

– Тогда всё ок. – Максим принялся укутываться в одеяло. – Контейнерный терминал здоровенный, его так просто не разграбить. Контейнеры в несколько этажей стоят, до них ещё добраться надо, особенно до верхних! Без техники тяжело сделать это!

– Мы сделаем это, вангую! – Денис последовал его примеру. – Надо только оклематься, чтобы опухоль с лица сошла. В таком виде вряд ли кто-то поверит в нашу состоятельность и решительность. С опухшей рожей и синими рёбрами сам в это всё не очень-то сильно верю.

* * *

– Расширитель! – Игорь протянул руку облачённой в синий хирургический халат женщине, исполняющей обязанности медицинской сестры. – Он крайний слева!

– Извините! – стыдливо пробормотала медсестра через лицевую повязку, торопливо кладя только что взятый хирургический зажим и подхватывая лежащий рядом с ним расширитель. – Вот, пожалуйста, доктор!

– Тампон! – Игорь аккуратно ввёл расширитель в иссечённый раневой канал и очень осторожно расширил рану. – Быстрее!

Свободной рукой он подхватил из рук медсестры пинцет с тампоном и промокнул сочащуюся из расширенной раны кровь. Медицинский тампон впитал кровь, и застрявшую в мягких тканях автоматную пулю стало видно невооружённым глазом.

– Пинцет! – потребовал Игорь, не глядя вручая медсестре пинцет с окровавленным тампоном. – Чистый! Быстрее! Пока не извлечём пулю, кровотечение не остановится!

Сильно волнующаяся медсестра забрала у него окровавленный пинцет с алым от крови тампоном и торопливо подала новый. Игорь осторожно ввёл его в раневой канал, захватил пулю и извлёк её из тела раненого бойца.

– Чашку! – потребовал он, и медсестра бросилась к медицинской посуде.

Сплющенная автоматная пуля глухо звякнула, падая на блестящее хирургической сталью дно медицинской чашки, и Игорь принялся заниматься раневым каналом, ровным голосом отдавая переволновавшейся медсестре лаконичные команды время от времени:

– Иглу.

– Пинцет.

– Тампон.

– Зажим.

Эта медсестра ассистировала ему впервые и сильно волновалась, но для первой операции держалась достаточно прилично. Предыдущие девятнадцать операций он провёл с другой сестрой, та была младше этой лет на пять, но имела какой-никакой опыт работы в травматологии. Сейчас она занята на операции с другим хирургом, этого раненого с сильным кровотечением Игорю доставили пять минут назад, и действовать пришлось максимально быстро.

Вообще надо признать, что Эверест отбил атаку ФСБ очень грамотно. Противник был разбит наголову, его остатки разбежались, бросив раненых и снаряжение. Среди спецназа ГРУ убитых не было вовсе, раненых оказалось порядка двух десятков, их оперировали в первую очередь силами всех трёх военврачей, включая Игоря, имевшихся в составе отдельного отряда «Сенеж». Потери же спецназа ФСБ были огромны, всюду, где шёл бой, лежали тела бойцов, затянутых в чёрное снаряжение. Сколько трупов там осталось, Игорь сказать затруднялся, но раненых оказалось свыше пятидесяти, и их, к счастью, не бросили умирать. Эверест приказал оказать помощь всем, раненных в бою врагов доставили в помещение нового госпиталя, и военврачам было велено заняться ими сразу после того, как они закончат оперировать своих сослуживцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sergey-tarmashev/elektroshok-novaya-real-nost

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить